

ДМИТРИЙ ДЕГТЕВ, ДМИТРИЙ ЗУБОВ

БОРИС НЕМЦОВ

СЛИШКОМ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

ОТПОВЕДЬ
БУНТАРЮ

Дмитрий Дёгтев

**Борис Немцов. Слишком
неизвестный человек.
Отповедь бунтарю**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)

Дёгтев Д. М.

Борис Немцов. Слишком неизвестный человек. Отповедь бунтарю / Д. М. Дёгтев — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07588-8

Спустя два года после трагической гибели политика Бориса Немцова страсти и споры вокруг его личности не утихают ни в России, ни на Западе, где его считают чуть ли не «отцом русской демократии». Для одних имя Немцова стало символом «борьбы за свободу» и «либерализма», для других, напротив, синонимом «предательства России» и «развала страны». Пожалуй, ни об одном из политиков эпохи «лихих девяностых» не говорят и не пишут так много, в то время как имена других уже позабыли. Что касается нижегородского губернаторства Немцова, то этот период оброс многочисленными легендами в духе «область стала передовой», «там была столица реформ» и т. п. В данной работе, являющейся первой книгой о скандально известном реформаторе, впервые подробно рассказано о биографии и политической деятельности Бориса Немцова с начала его карьеры до краха правительства молодых реформаторов в августе 1998 года. В ней приведены малоизвестные факты, касающиеся работы Немцова на посту губернатора Нижегородской области и вице-премьера российского правительства, многочисленные его высказывания и заявления, раскрыты психологические особенности его личности, причины привлекательности и мотивы поступков в политике и в личной жизни. Кроме того, работа отвечает на ряд интересных вопросов: был ли Немцов демократом, действительно ли он сделал свой Нижегородский регион процветающим, но потом был «съеден» в правительстве, почему Ельцин хотел сделать его своим преемником, а потом отказался от этого намерения, какую роль сыграл Немцов в продвижении на политический олимп одних людей и

низвержении других, насколько образ Немцова был создан им самим и его окружением и т. д.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-227-07588-8

© Дёгтев Д. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
«Критическая волна»	9
Физик с плейбойскими повадками	13
Глава 2	16
ГАСТ, АТЭЦ и Черная быль	16
Что увидел, то и спел	20
«Обезличенный ассортимент»	23
Глава 3	27
Крах Нижегородского ОКЧП и звездный час Немцова	27
Шапка или бутылка?	31
Воцарение «камикадзе»	34
Глава 4	38
«Плюс спекулятизация всей страны»	38
«Учили сексу, а обернулось разбоем»	41
Пассажиры-оборотни и «автобусно-полевые суды» Немцова	44
Глава 5	50
Явление Явлинского и Сорос на «членовозе»	50
«Немцовки» – лучше, чем шиш с маслом!	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дмитрий Михайлович Дёгтев, Дмитрий Владимирович Зубов Борис Немцов. Слишком неизвестный человек Отповедь бунтарю

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без
письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.

© Дегтев Д. М., Зубов Д. В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

«В России, как известно, две проблемы: дороги и дураки. С дорогами еще можно как-то разобраться. Что касается дураков, то здесь все гораздо сложнее», – говорил Борис Немцов в марте 1995 года.

Спустя ровно 20 лет, 3 марта 2015 года, нам довелось побывать в Москве, на похоронах политика. То был довольно теплый весенний день. Зима закончилась непривычно рано (обычно в марте еще лежит снег), а в столице, во всяком случае на Садовом кольце, уже было сухо и чисто. Путь к нужному месту было легко отыскать даже человеку, плохо ориентировавшемуся в московских просторах. Среди толпы, сновавшей рядом с Курским вокзалом, отчетливо выделялись граждане с серьезными лицами и красными гвоздиками в руках. И все они спешили в одну и ту же сторону. Иногда из непрерывного гула, который стоит на этой магистрали, слабо доносилось: «Немцов...» Ну а вскоре показалась живая очередь, тянувшаяся вдоль старых домов внешней стороны Кольца, уходящая вниз и влево – к Сахаровскому центру. Первое, что бросилось в глаза, – это невероятная разношерстность публики, стоявшей там. И гламурные красотки с дорогими дизайнерскими букетами, и беременные женщины, и поэты, тут же публично читавшие стихи о Немцове, и антивоенные активисты с украинскими флагами на одежде, пенсионеры и типичные интеллигенты, странные обормоты и стар и млад. Столь же пестрым был и поток VIP-персон: высокопоставленные чиновники, скандально известные оппозиционеры, послы ведущих мировых держав. Были там замечены и нижегородцы, в основном работавшие с Немцовым в бытность его губернатором.

«Кем был для вас Борис Ефимович?» Такой вопрос я задавал многим присутствующим. «Душа компании, невероятный оптимист, отличный и добродушный парень!» – отзывался о нем типичный представитель столичного протестного движения, много раз встречавшийся с Немцовым на митингах. «Для меня это был просто красивый мужчина! – сказала жительница Улан-Удэ, ныне проживающая в Москве. – Я всегда любила его и любовалась им. Как можно такого умного, образованного, доброго человека убить?! Страшные люди у нас!» «Немцов – это яркая, крупная фигура, – отзывался о нем молодой человек, представившийся антивоенным активистом. – Он консолидировал либералов. Его убийство – это скрытая гражданская война, которая уже давно идет в России». При общении со многими людьми, пришедшими проводить Немцова в последний путь, бросилась в глаза одна важная особенность. Москвичи с трудом вспоминали о его губернаторском, реформаторском и нижегородском прошлом и считали именно своим, настоящим московским парнем.

Надо отметить, что организована панихида была из рук вон плохо. Ведь заведомо было понятно, что Сахаровский центр, на деле представляющий собой обшарпанный старый особняк с пристроем, не очень вписывающийся в облик современной Москвы, не сможет вместить всех желающих. В результате получилось, что чем ближе был вынос тела, тем длиннее становилась очередь, растянувшаяся практически до Курского вокзала. Ну а в конце происходящее вылилось в настоящую душераздирающую драму. Ограничительные заборы были отодвинуты, и не успевшие возложить цветы стали кидать их «оптом» прямо к двери. Началась давка, при этом часть людей полезла на склон парка с криками: «Герои не умирают!» Полиция, как могла, пыталась отеснить людей от выезжавшего из Сахаровского центра катафалка. Однако, несмотря на большое число сотрудников, толпа быстро прорвала оцепление и устремилась вслед за машиной. «Борис, прощай!» – кричали плачущие женщины. А когда катафалк с трудом вырвался из объятий и свернул на Садовое кольцо, толпа вышла на проезжую часть, где скомканная панихида мгновенно превратилась в шествие, которое дополнялось гудками десятков автомобилей, ехавших по внутренней, не перекры-

той для движения стороне Садового кольца. Вот таким громким в прямом смысле слова получилось народное прощание с Немцовым.

Спустя два года после трагической гибели политика страсти и споры вокруг его личности не утихают ни в России, ни на Западе, где его считают чуть ли не «отцом русской демократии». Для одних имя Немцова стало символом «борьбы за свободу» и «либерализма», для других, напротив, синонимом «предательства России» и «развала страны». Прошедшие очередные «марши Немцова», совпавшие с премьерой фильма «Немцов. Слишком свободный человек», показали, что этого человека не забудут еще очень долго. В Москве и других городах идут бесконечные баталии за «народные мемориалы», а в некоторых городах власти и активисты ведут борьбу за увековечивание памяти Немцова. Кое-где даже предлагают называть в честь его проспекты и площади, а Большой Замоскворецкий мост в Москве и вовсе неформально зовут «Немцов-мост». Пожалуй, ни об одном из политиков эпохи «лихих девяностых» не говорят и не пишут так много, в то время как имена других уже позабыли.

В то же время, когда автору довелось общаться с многочисленными поклонниками Немцова, всплыла парадоксальная вещь. На вопрос «А что конкретно сделал Борис Ефимович и чем прославился?» никто не смог дать вразумительного ответа. Заявляют, что он был «реформатор», «умный», «красивый», «добрый», «смелый», «обаятельный», «честный», «удивительный», «дружелюбный» и т. п., но при этом никто уже не помнит, что конкретно Немцов «реформировал» и, главное, как и зачем. А под «либерализмом» почему-то понимается бесконечное хождение на митинги, марши, крики, вопли и бичевание власти. Это, собственно, то, чем и занимался Немцов все последние годы. Что касается губернаторства, то этот период оброс многочисленными мифами и легендами в духе «область стала передовой», «там была столица реформ», «Немцов все поднял» и т. п. Противники Немцова, наоборот, обвиняют его во всевозможных «предательствах», деятельности в интересах «мирового капитала» и США («агент Госдепа») и т. п. Но при этом никто не отрицает, что Немцов все же был «яркой личностью», «реформатором» и вел некую деятельность.

Так ли это на самом деле? То есть был ли Немцов реформатором, либералом, выдающейся личностью, смелым и честным, а главное – был ли он умным и интеллектуально развитым человеком? В данной работе, являющейся первой книгой о скандально известном реформаторе, впервые подробно рассказано о биографии и политической деятельности Бориса Немцова с начала его карьеры до краха правительства молодых реформаторов в августе 1998 года. В ней также приведены малоизвестные и неизвестные факты, касающиеся работы Немцова на посту губернатора и вице-преьера, его многочисленные высказывания и заявления, характеризующие его истинную сущность, раскрыты неизвестные психологические особенности личности Немцова, причины его привлекательности и подлинные мотивы, двигавшие им. Кроме того, книга совершенно по-новому показывает события страны эпохи «лихих девяностых», рассказывает, как жили люди и как менялось их восприятие действительности на фоне грандиозных перемен, происходивших в стране. Читателям предлагается как бы заново пережить это время и переосмыслить происходившие со страной катаклизмы. Кроме того, работа отвечает на ряд интересных вопросов: был ли Немцов демократом, действительно ли он сделал свой регион отдельно процветающим, но потом был «съеден» в правительстве, почему Ельцин хотел сделать его своим преемником, а потом отказался от этого шага, какую роль сыграл Немцов в продвижении на политический олимп различных личностей (например, Сергея Кириенко) и низвержении других (например, Андрея Климентьева), не был ли образ Немцова искусственно создан им самим и его окружением, был ли Немцов «образцом честности» и т. д. и т. п. А также зачем Немцову было нужно столько женщин?

Глава 1

Эффект опрокидывания

«Критическая волна»

1989 год. Это был рубеж, точка невозврата, пройдя которую объявленная генсеком Горбачевым перестройка из поверхностной демократизации по типу хрущевской «оттепели» превратилась в неконтролируемый распад всей советской системы. На зданиях по-прежнему реяли красные флаги, десятиклассники ради успешного поступления в вуз все так же подавали заявления в комсомол, на каждом шагу стояли памятники Ленину, а предприятия и организации все еще отмечали коммунистические праздники.

Однако при сохранении этих привычных атрибутов в нашу жизнь все сильнее и смелее вторгались явления и события, которые еще пару лет назад показались бы просто невозможными. Наряду с госсобственностью стала действовать аренда, а у овощных баз и гастрономов появились настоящие конкуренты – кооператоры. А в закрытом городе Горьком – одном из центров советской военной промышленности – вдруг состоялся митинг в память о жертвах политических репрессий. Прошел он в парке Кулибина. Место это было по-своему символическим. Бывшее городское кладбище, где за два столетия было похоронено несколько поколений нижегородцев, от купцов и чиновников до нищих и бунтовщиков, повешенных в 1907 году на «столыпинских галстуках», которое в 1940 году было превращено в парк, в годы застоя ставший излюбленным местом пьяниц и местом проведения дискотек с традиционным мордобоем. Выступали на митинге отнюдь не представители обкома и горкома партии (той самой, которая вроде бы инициировала этот процесс и осудила репрессии), а, напротив, представители так называемых «неформалов» – различных движений, зарабатывавших славу как раз на разоблачении всего коммунистического и советского. Среди прочего в месте, к репрессиям в общем-то отношения не имевшем (в парке никого не расстреливали и не закапывали), кое-кто даже выкрикивал совсем уж кощунственные лозунги типа «Советы без коммунистов!». Услышав это, одни восторгались пьянящим вкусом свободы, другие, наоборот, вздрагивали и ужасались. Это как же так?! А завтра скажут: «Советская власть без Советов»?!

Компартия в это время стремительно теряла авторитет и влияние, и этот факт был очевиден ее функционерам. «Надо признать, что для „неформалов“ складывается крайне благоприятный фон, – констатировал первый секретарь Горьковского горкома КПСС Ю. А. Марченков. – Не дождавшиеся реальных улучшений от перестройки, люди раздражены и настроены только на критическую волну. На этой волне довольно успешно идет атака на партию». Однако горком сдаваться пока не собирался и вырабатывал, по его собственному выражению, тактику «объединенного наступления по всему фронту наметившегося идеологического противостояния»...

Как раз в это время среди горьковской общественности развернулась бурная дискуссия по вопросу возвращения городу его исторического названия. Причем позиции сторонников и противников переименования были не просто противоположными, а даже враждебными. Первые писали письма в Москву, в том числе в газету «Известия», а также демонстративно украшали автобусы и грузовики надписями «Нижний Новгород». Вторые по старинке жаловались в обком и строчили гневные письма в газеты в духе «Не допустим!», «Не смейте трогать имя Максима Горького!». «Не можем продолжать осквернять имя города, данное нашими предками 760 лет назад! – возмущался некий Ю. Суханов в письме в „Горьков-

ский рабочий“. – Это же кощунство – плевать на память русичей!» «Наш город не должен быть горьким, он должен быть светлым, безоблачным, радостным, в котором люди должны жить счастливо и с радостью трудиться для приумножения благосостояния и славы родного края», – полагала горьковчанка Вера Гежес. «Взять у старого славного города имя, которое он с достоинством и честью носил семь веков, зачеркнуть его и дать совершенно другое – это все равно что украсть чужое!» – вторил ей журналист В. Ларцев. «Мне как-то странно, что в последнее время очень много внимания уделяется вопросу нездоровой ностальгии по Нижнему Новгороду, – отвечала им Э. Красильникова, переехавшая в Горький из Москвы в 1955 году. – Такая „память“ необоснованна и вредна, она уводит нас от основных проблем перестройки общества, на нет отбрасывает завоевания социализма». «Если уж на то пошло, то почему мы, „канавинцы“ из Канавинского района, сормовичи и автозаводцы, словом, жители заречной части города, должны превратиться в нижегородцев? – возмущался подполковник в отставке А. Батищев. – Ведь наши предки никогда не жили в Нижнем Новгороде». Некоторые и вовсе предлагали разделить город на две части, а потом одну назвать Нижним Новгородом, а другую оставить Горьким! Либо оставить оба названия, а второе писать в скобках...

Сейчас, спустя четверть века, понятно, что ожесточенная дискуссия вокруг названия города всего лишь отражала незримый раскол, даже пропасть, образовавшуюся к тому времени в обществе. Между теми, кто по инерции и в силу воспитания и убеждений еще продолжал, несмотря ни на что, верить в социализм, и теми, кто уже готов был плюнуть на него и растоптать все то, чему учили в букваре и школе. Хотя многие, конечно, не осознавали, что, ратуя за такую, казалось бы, мелочь, как смена названия, они тем самым ставят под сомнение сами советские ценности и идеалы. Ведь переименование улиц, городов и поселков на самом деле было важнейшей частью коммунистической идеологии, символом отказа от «темного прошлого» и показателем незыблемости советского строя.

А социализм тем временем рушился не только у нас. О тревожном положении в странах так называемого соцлагеря горьковчане впервые узнали из статьи «Польский пасьянс. Кто укрепит „карточный домик“?». Оказывается, пресловутый дефицит самых необходимых товаров добрался даже до таких с виду благополучных стран, как Польша. Там исчезли с прилавков простые спички! «Вообще же обстановка в Польше за последние месяцы приобрела черты, печально знакомые всем нам, – писала газета „Горьковский рабочий“. – Из магазинов исчез сахар. Можно увидеть очередь за мясом, обувью, сигаретами. Пустые полки в магазинах (в первую очередь государственных) стали обычным явлением. И это в Польше, где в былые времена покупатели привыкли к чуть ли не еженедельной смене ассортимента! „Магазин закрыт ввиду отсутствия товаров“ – такие таблички изредка появляются на улицах». К осени 1989 года дефицит не затронул лишь некоторые виды товаров: мыло, стиральный порошок, чай и школьные тетради.

Для жителей СССР прочитанное стало настоящим шоком! Ведь раньше все завидовали гражданам, которым посчастливилось съездить по турпутевке или в командировку в страны Восточной Европы. Ибо оттуда всегда возвращались с горами дефицитных товаров, которых в самом Союзе днем с огнем не сыскать. И вдруг «магазин закрыт ввиду отсутствия товаров»... А чего нам тогда ждать, к чему готовиться?! Ведь к уже введенным годом ранее талонам на сахар и водку осенью 89-го добавились такие же «карточки» на масло животное, мыло и колбасу. Партия, как и в суровые военные годы, призывала к стойкости, терпению: мол, бывали времена и похуже, но народ выстоял, выстоим и теперь! Даже если голод начнется...

Однако народы Восточной Европы «стоять до последнего» за идеалы социализма не хотели. Выстроенная Сталиным, укрепленная Хрущевым и тщательно сохранявшаяся Брежневым и Андроповым система просоветских режимов начала разваливаться как тот самый

«карточный домик». Именно в 1989 году произошло то, что потом назвали антикоммунистическими революциями, а в западных странах не иначе как «Осенью народов». Отреагировав на горбачевскую политику «нового мышления», оппозиционные силы начали раскачивать и рушить социализм. Раньше всех советские идеалы предали Польша и Венгрия. В первой было сформировано первое некоммунистическое правительство, а власти второй 11 сентября объявили об открытии границ. Пресловутая Берлинская стена, десятилетиями являвшаяся символом холодной войны и границы между социализмом и капитализмом, после этого потеряла свой смысл: в течение трех дней из ГДР через территорию Венгрии бежали сразу 15 тысяч граждан. А в октябре венгерская правящая партия собралась на свой последний съезд и добровольно трансформировалась в социалистическую. 16–20 октября парламент одобрил многопартийные парламентские выборы и прямые выборы президента, а страна была переименована в Венгерскую Республику. Вслед за этим массовые протесты охватили уже соседнюю ГДР. 24 октября генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер вынужден был покинуть свой пост, что фактически означало крах просоветского режима в Восточной Германии.

А что же СССР? А там 25 октября Михаил Горбачев официально заявил об отказе от использования силы против своих союзников! И это стало поворотным моментом в советской внешней политике. Сейчас многие обвиняют последнего генсека в «предательстве» и «слабости». Однако нашлись ли бы у тогдашней голодающей и томящейся в пятичасовых очередях за сахаром страны силы для подавления очередных восстаний, да еще и сразу во всех странах-сателлитах одновременно, если бы такое решение было принято? Ведь фактически это была бы целая война с тысячами жертв. Весьма сомнительно. Ну а на очереди были Чехословакия, Болгария и Румыния. Впрочем, тогда, несмотря на все эти, как казалось, удивительные и «невозможные» события, еще никто не задумывался: а не постигнет ли вскоре судьба стран Варшавского договора и сам Советский Союз? Ведь все поколения граждан были воспитаны на том, что лучше советского строя ничего нет и все народы живут в СССР сугубо добровольно и счастливо. Разве «союз нерушимый» только на штыках и грубой силе стоит? Как оказалось, да...

Под влиянием событий в Восточной Европе осенью 1989 года украинское движение «Народный рух» открыто объявило своей целью восстановление независимости страны. Изначально эта организация именовалась «Народное движение за перестройку» и декларировала «содействие коммунистической партии в демократизации общества». Но теперь на волне революций приставка «за перестройку» исчезла, аналогичным образом это произошло в известном «Саюдисе» в Литве и Народном фронте в Белоруссии. Маски были сброшены, и сепаратисты (ну или национально-освободительные движения, это уж как кому больше по душе) начали открытую борьбу за независимость республик. При этом ЦК компартии Украины скромно заявил, что мешать созданию новых политических движений в республике власть не будет. Ну а 28 октября был принят закон «О языках в Украинской ССР», который стал первым серьезным вызовом Союзу. Поскольку именно Украина являлась его, так сказать, основным конструктивным и важным опорным элементом, фактически именно эти события дали незримый старт к распаду страны.

Стремительно менялись и другие стороны жизни. В 1989 году на экраны вышла 22-я часть сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи. Мафия», которая стала последней из «классической», советской части фильма. Она снималась в разгар перестройки и поэтому весьма сильно отличалась от первых фильмов сериала, выходивших с 1971 года. Зрители увидели там все приметы времени – нарождающаяся организованная преступность, торговля и употребление наркотиков, подростковые банды, распоясавшиеся спекулянты. Однако милиция, как и в былые времена, все равно победила, а справедливость, как и положено, восторжествовала. И советские граждане были по-прежнему уверены: «Наша милиция нас бере-

жет»... Тем временем каждую неделю в Горьком совершалось по несколько убийств, разбоев и изнасилований, а также десятки грабежей и сотни краж. При этом в конце 80-х преступников интересовали в первую очередь не деньги (большие суммы тогда в карманах не носили), а личное имущество: часы, одежда, золотые украшения, водка и продукты. Стремительный рост преступности объяснялся не только сложной экономической ситуацией, как это объясняли в те годы, но и озлобленностью, разочарованием, которые овладели большей частью общества. Ведь столько лет говорили: мол, идем к светлому будущему, строим коммунизм, потерпите чуток... А вместо этого получили пустые полки магазинов, талоны на водку и сахар и... новые обещания. В этих условиях нарастали самые разные формы социального протеста против надоевшей и серой действительности, которую уже не скрашивали по-прежнему реявшие над зданиями красные флаги. Одни шли на митинги, вторые в преступники, третьи попросту хулиганили.

Как-то теплым осенним деньком два ветерана войны и труда, Валентин Михайлович и Николай Ефимович, пошли прогуляться по откосу. А потом решили присесть на лавочку воздухом подышать. Но не тут-то было! Престарелые защитники родины с изумлением увидели, что все садовые диваны, как тогда называли массивные деревянные скамейки с металлическими ножками и боковинами, почему-то валяются внизу! «Пошли дальше. И опять видим – лежат под горой еще несколько садовых диванов, – возмущался Валентин Михайлович в своем письме в газету. – Пока шли до кафе „Чайка“, таких валяющихся под откосом скамеек мы насчитали пять. Там же лежали и урны. Аналогичная картина была и за „Чайкой“ в сторону трамплина». В 70-80-х годах садовые диваны стали одним из неперенных атрибутов Верхневолжской набережной. Выглядели они, конечно, кондово и весили не меньше чем полтонны, в связи с чем представлялись чем-то незыблемым. Однако в 1989-м, как и казавшийся таким же незыблемым советский строй, эти скамейки полетели под откос. Чем вам не символ эпохи?

Физик с плейбойскими повадками

Именно на этом фоне на политическом небосводе разваливающегося Союза появляется Борис Немцов. Весной 1989 года 30-летний мужчина с кудрявыми волосами подал заявление на участие в выборах в Верховный Совет СССР. Последние в полной мере соответствовали той «переходной» эпохе. С одной стороны, альтернативные и конкурентные выборы, кандидаты выступали перед избирателями со своими программами, в том числе в прямом эфире по телевидению, а голосование было по-настоящему тайным.

Были отменены и всякие разнарядки при выдвижении кандидатур. Вместе с тем закон все равно обеспечивал сохранение власти в руках КПСС (87% депутатов оказались либо членами партии, либо кандидатами в члены). Во-первых, одна треть депутатов избиралась от общественных организаций, той же компартии и подконтрольных ей, во-вторых, предусматривалось совмещение постов председателей Советов всех уровней и соответствующих партийных руководителей, при условии избрания их в эти Советы. Ну а в-третьих, избирательные комиссии попросту отказывали совсем уж «неблагонадежным» и «подозрительным» кандидатам в регистрации под разными предлогами. Ничего удивительного в этом не было, ведь закон о выборах составлялся и принимался еще в 1988 году, а тогда ситуация в стране еще была совсем другой! Среди «отказников» тех выборов оказался и Немцов. «Система выборов была несвободной, двухступенчатой, – вспоминал он потом. – Сначала нужно было пройти сквозь сито номенклатурного окружного предвыборного собрания, в состав которого входили представители партийно-хозяйственной элиты. И если эта категория граждан посчитает необходимым твое участие в выборах, только тогда народу разрешалось голосовать за тебя или против. Тогдашнее мое выступление на этой комиссии отличалось дерзостью и даже некоторым нахальством, поскольку, выступая в такой аудитории, я позволял себе высказываться против монополии партии на власть, за частную собственность, за независимую прессу, за отмену цензуры и политического сыска. Естественно, после таких речей напуганные начальники посчитали, что до народа эти мысли доносить нельзя. И не допустили меня к выборам вообще».

Откуда же взялся этот человек, которому было суждено сыграть значительную роль в истории постсоветской России?

Как известно, Борис Немцов родился в 1959 году в Сочи в семье врача Дины Эйдман и Ефима Немцова. Если про мать политика известно довольно много, то кто такой был его отец, довольно туманная история. Считается, что он был заместителем начальника некоего «строительного главка», но что это за «главк», где находился и чем занимался, история умалчивает. Борис Ефимович был вторым ребенком в семье, его сестра – Юлия Ефимовна впоследствии стала известной проповедницей, адвентисткой седьмого дня. При этом загадочный отец Немцова мало участвовал в воспитании детей, по выражению его самого, «свободный был человек, с нами не жил». Уже в детстве Дина Немцова с детьми переехала в Горький, в типовую хрущевку в районе проспекта Гагарина, одной из крупнейших магистралей города, идущей от центра нагорной части города к выезду из него в сторону Арзамаса и Рязани. Учился Немцов в самой обычной типовой школе, также расположенной рядом с этим вечно шумящим проспектом, по одну сторону от которого тянутся разнотипные жилые дома, а по другую длинный парк, обрывающийся крутыми, как бездонная пропасть, склонами к берегу Оки. А в какой-то сотне метров от здания, где провел большую часть детства Немцов, в широкой ложбине находился кинотеатр «Электрон». Именно в него, будучи школьником, Борис ходил с одноклассниками и друзьями. Кто бы мог подумать, что спустя 41 год после того, как он получил аттестат, именно в этом кинотеатре состоится премьера документального фильма «Борис Немцов. Слишком свободный человек»!

Но тогда, в разгар эпохи застоя, для этого не было никаких предпосылок. Чтобы сделать карьеру, надо было обязательно хорошо учиться, вступать в комсомол, потом в партию. И если с первым у Немцова было все в порядке, то с остальным не очень. «Я родился в разгар строительства коммунизма и даже в самых смелых юношеских фантазиях не мог представить, какие крутые виражи готовит мне жизнь, – вспоминал он потом. – В школе не был комсомольским вожаком, не собирался вступать в ряды коммунистической партии, хотя и понимал, что вне КПСС сделать карьеру практически невозможно. Но об общественном или, упаси бог, политическом будущем я тогда вообще не думал, собирался стать ученым-физиком». Но даже эта мечта могла не осуществиться. Сначала Немцову из-за его поведения и странных для того времени высказываний не хотели давать золотую медаль, а потом написали в выпускной характеристике, что он «политически неустойчив». Только благодаря хлопотам матери и ее знакомых директор в итоге смягчила формулировку на более нейтральную: «позволяет себе политически непродуманные высказывания». Остается только догадываться, что такого натворил Борис Ефимович, чтобы заслужить подобный «волчий билет». Ведь в середине 70-х к характеристикам уже не относились так серьезно, как в былые годы, в основном педагоги ограничивались типовыми фразами. Тем более когда речь идет о золотых медалистах! Конечно, некоторые скажут, вот, мол, с детства не боялся высказывать свою позицию, смелый человек! В действительности мотив таких поступков может быть совершенно разным. Скорее всего, Немцов наслушался «антисоветчины» от своего отца, с которым периодически общался, а потом повторял ее ради привлечения к себе максимального внимания сверстников и взрослых. Впрочем, подробно о психологическом типе Немцова и его вероятных истинных мотивах поведения будет рассказано ниже при более подходящем случае...

Следующие 10 лет жизни прошли не особо примечательно. Думается, и там было много ярких моментов, но, во всяком случае, в историю страны не вошли. В 1976 году Немцов поступил на радиофизический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, который с отличием закончил. После окончания вуза он работал в научно-исследовательских институтах, где, согласно официальной биографии, занимался проблемами физики плазмы, акустики и гидродинамики. В 1985 году, работая в НИРФИ под научным руководством своего дяди – профессора Вилена Эйдмана, Немцов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Когерентные эффекты взаимодействия движущихся источников с излучением». Затем он полностью погрузился в научную работу, делал различные изобретения и открытия. «Он очень много работал, быстро и легко писал статьи и уже в 1985 году защитился, – вспоминал известный физик Лев Цимринг, член Американского физического общества, какое-то время работавший с Немцовым. – Несмотря на плейбойский вид и повадки, у Бори была абсолютно незаурядная голова и очевидная страсть к науке, это чувствовалось сразу».

Кстати, по некоторым данным, Бориса Ефимовича готовили чуть ли не в наследники научной школы самого нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга, знаменитого ученого, создателя полуфеноменологической теории сверхтекучести (теория Гинзбурга-Питаевского), теории магнито-тормозного космического радиоизлучения и радиоастрономической теории происхождения космических лучей. Вилен Эйдман был учеником и соратником академика, в свое время работавшего в Горьком.

Главным направлением научной деятельности Немцова стал так называемый акустический лазер. «Я предложил модель, состоящую из перегретого пара, смесь, которая в случае сильного охлаждения излучает очень мощный звук», – вспоминал он. Фактически речь шла об одном из вариантов сазера – генератора когерентных звуковых волн определенной частоты. Широкого применения данные устройства по сей день не нашли, а многие ученые и вовсе считают их тупиковым направлением физики. Сам же Немцов оценивал свое изоб-

речение очень высоко, утверждал, что стал чуть ли не создателем нового супероружия, и даже сравнивал себя с Эйнштейном. Мол, прибор представлял собой нечто вроде гиперболоида инженера Гарина и был способен «поражать человека». При этом сам же Борис Ефимович вроде как и спас от него человечество. «Прибор не стал оружием, потому что его не успели засекретить: я послал статью в зарубежный журнал», – утверждал он. И даже сожалел, что его не называли «лазером Немцова». До сих пор некоторые утверждают, что это было «гениальное изобретение», с помощью которого можно как минимум разгонять туман и облака, а то и создать некое «метеорологическое оружие». Правда, никто всерьез этими разработками почему-то не занимается. К слову сказать, именно за работой над «акустическим лазером» Немцов познакомился и подружился со своим будущим пресс-секретарем Александром Котюсовым.

Это сейчас тот факт, что будущий скандально известный политик с имиджем неувядающего плейбоя когда-то всерьез занимался физикой, может показаться удивительным. Но ведь и будущий самый одиозный российский олигарх Борис Березовский, защитив кандидатскую диссертацию, в 70-х годах скромно трудился в Институте проблем управления Академии наук СССР. Как и положено, сначала вкалывал инженером, потом младшим и старшим научным сотрудником, дослужившись в итоге до почетной должности заведующего лабораторией. В 1978 году Березовский получил медаль лауреата премии Ленинского комсомола. Вся его голова в то время была занята научными трудами, монографиями и работой над докторской диссертацией по физике. К 1991 году Борис Абрамович заслужит пожизненное звание академика... Анатолий Чубайс в конце 70-х – начале 80-х годов скромно работал ассистентом, а потом доцентом в Ленинградском инженерно-экономическом институте имени Пальмиро Тольятти, Владимир Гусинский учился на режиссерском факультете ГИТИСа имени Луначарского. Ну а москвич Егор Гайдар, в 1973 году закончивший школу с золотой медалью, а через пять лет уже МГУ с красным дипломом, в конце 70-х ударно писал диссертацию по теме «Оценочные показатели в механизме хозяйственного расчета производственных объединений (предприятий)». Кто бы мог подумать тогда, что эти обычные советские люди, ученые, комсомольцы, в скором времени станут решать судьбы огромной страны?! Причем совсем не той страны, которая воспитывала в них коммунистические идеалы!

Конец 80-х годов действительно стал временем, когда те, у кого в обычных условиях не было ни единого шанса получить власть, обогатиться и даже по-настоящему выделиться из своих современников, стремительно взлетали на самый олимп. А другие, наоборот, падали, как те самые садовые диваны, летевшие под откос. Страну как будто переворачивали вверх колесами, и те, кто был внизу, быстро оказывались на самом верху, и наоборот. Можно даже назвать это неким историческим «эффектом опрокидывания». Конечно, у каждого персонажа «лихих девяностых» был свой путь. А у Немцова он начался с мирного атома...

Глава 2

Немцов против атомного монстра

ГАСТ, АТЭЦ и Черная быль

В начале 1984 года городской Совет народных депутатов города Горького утвердил генеральный план развития города. Согласно ему к 2010 году население областного центра должно было составлять 1,8 миллиона человек, а его внешний вид мог измениться до неузнаваемости. План был по-советски невероятно дорогостоящим, достаточно сказать, что только на осуществление его первой очереди требовалось 3 миллиарда рублей – огромная сумма по тем временам. В том числе миллиард требовался на жилищное строительство, ибо жилой фонд города намечалось удвоить!

В начале 80-х в городе Горьком развернулся, как оказалось, последний в эпоху социализма строительный бум. Активно возводились три новых микрорайона: Молитовский, Мещерское озеро и Верхние Печеры. «Строительство продолжается, – рассказывала статья „Приметы времени“. – Пока в Верхних Печерах два микрорайона – второй и третий, а будет и четвертый, и первый. Проектом застройки предусматривается строительство поликлиники, которая решит проблему медицинского обслуживания населения... Во втором микрорайоне в проекте застройки значатся медпункт, кафе, кулинарный и молочный магазины, парикмахерская, в третьем микрорайоне – магазины, общественно-торговый центр. Строится овощной магазин. Словом, у Верхних Печер большое будущее». Однако до «коммунизма» было еще далеко. По состоянию на 1 января 1984 года средняя обеспеченность на жителя составляла всего 13,8 квадратного метра на одного горьковчанина. Но уже через пару-тройку десятилетий горожанам обещали настоящий город-рай! Планы развития Нижнего Новгорода – Горького, как известно, начали разрабатываться еще при императоре Николае I и продолжались при советской власти. И каждый из них был все грандиознее и масштабнее. Работу над Генпланом-1984 известный институт Гипрогор начал еще в 1977 году. Большую роль в его создании сыграл и известный горьковский архитектор, начальник архитектурно-планировочного управления горисполкома Вадим Воронков. Кстати, последний прослыл, так сказать, радикалом в вопросе сохранения исторического облика «старого Нижнего». Воронков был сторонником нещадного сноса ветхого и просто старого фонда, расширения узких улиц в центре города и застройки его типовыми многоэтажными домами. «По общей оценке ведущих специалистов по градостроительству, Горький – один из сложнейших городов не только республики, но и всей страны, – говорил он в интервью „Горьковскому рабочему“. – В связи с этим Госстрой СССР поручил Гипрогору до разработки генерального плана выполнить технико-экономические обоснования... Было предложено четыре варианта основных территориальных направлений развития города. Все они признаны возможными. Однако на период до 2000–2010 годов решено в основном развивать город в нагорной части – на юг, юго-запад, с размещением там жилищного строительства. В заречной части город будет расти на северо-запад, на Сормовской пойме».

Воронков имел в виду правый берег Волги за заводом «Красное Сормово». На месте многочисленных садовых товариществ и частного сектора планировалось возвести два огромных микрорайона: Сормовское Приволжье и Лунский, которые должны были состоять из 9-12-этажных домов серии Э-600 (с навесными утеплительными панелями). Последние были сильно распространены в Ленинграде, где получили прозвище «дома-корабли» за внешнее сходство с океанскими лайнерами. Сплошные линии окон на белом фоне напо-

минали палубы. Подобный тип застройки использовался для гашения сильного морского ветра в прибрежных районах, в Сормове же «корабли» должны были загораживать город от северо-восточных ветров! А вот обеспечить горячей водой и отоплением строящиеся на окраинах Горького микрорайоны должна была первая в мире атомная котельная...

Идея использования мирного атома в коммунальных целях возникла в середине 70-х годов. Горьковское отделение института «Теплоэлектропроект» выполнило схему теплоснабжения города Горького на период до 1990 года. Она была согласована с Госпланом СССР и утверждена Минэнерго Советского Союза. Согласно схеме в нагорной части города на границе будущей застройки должна была появиться Горьковская атомная станция теплоснабжения (ГАСТ). Предложение было одобрено всеми соответствующими инстанциями, как «передовое» и «прогрессивное». А поскольку ни о каких радиационных авариях в СССР СМИ никогда не сообщали, эта новация не вызвала никакой паники и даже критики среди населения. И это притом, что незадолго до принятия решения о строительстве объекта горьковчане на своей шкуре испытали весь ужас радиоактивного заражения!

В конце 60-х годов завод «Красное Сормово», выпускавший атомные подлодки, работал в очень напряженном графике. В мире шла гонка вооружений, и военные требовали от производителей все больше подводных лодок. К тому же предстояло 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, которое вся страна встречала трудовыми рекордами. Работа в секретных цехах, расположенных в северо-западной части завода, не прекращалась ни на день. При этом мерами безопасности порой пренебрегали... Утром 18 января 1970 года при проведении гидравлических испытаний первого контура реактора атомной подводной лодки К-302 произошел случайный запуск установки, которая проработала около 15 секунд на запредельной мощности. В результате заглушки первого контура не выдержали, и через вырванную тяжеленную крышку люка подлодки вырвалась огромная струя воды. «Мощный радиоактивный фонтан воды и пара окатил все вокруг – стоящую рядом подлодку К-308, стены, потолки и полы сборочного цеха, – вспоминал Александр Зайцев, работавший тогда главным строителем отдела главного строительства кораблей. – Ну и, конечно, людей. А их в это время находилось в помещении 156 человек». Серьезного радиоактивного заражения местности удалось избежать лишь благодаря закрытости цеха и вовремя сработавшей автоматики, заглушившей реактор.

Шестерых рабочих, находившихся в момент аварии внутри подлодки, доставили в больницу в Москву, где трое из них скончались уже через неделю. Дезактивация проводилась силами личного состава представительства военной приемки и добровольцев из состава рабочих. Многие из них впоследствии умерли от различных болезней, связанных с радиацией. Сама подлодка К-302 после аварии была переименована в К-320. После замены реактора в 1971 году она была спущена на воду, а 15 сентября того же года вступила в строй. Во время службы с лодкой случилось еще несколько происшествий. Так, 19 января 1972 года она столкнулась в Мотовском заливе с подлодкой К-131 и повредила корпус. А в мае 1976 года во время плавания произошла частичная разгерметизация активной зоны реактора. Из состава флота К-320 была исключена в 1994 году.

Ну а в Горьком со всех участников инцидента взяли подписку о неразглашении, поэтому только узкий круг лиц знал о произошедшем. В то время как на расположенном в городской черте предприятии шла дезактивация, о которой все советские школьники были наслышаны из рассказов про атомные бомбы, по соседним улицам как ни в чем не бывало курсировали автобусы и троллейбусы, детишки ходили в школу и садики, а трудящиеся спешили на работу.

И вот теперь горьковчанам хотели построить прямо возле города атомную котельную. Более того, мало кто знает, что помимо ГАСТ в районе между Горьким и Дзержинском собирались возвести еще и первую в мире атомную теплоэлектроцентраль (АТЭЦ) мощностью

2 тысячи мегаватт! Предполагалось, что она будет иметь четыре энергоблока, два из которых будут обеспечивать теплом Сормовский, Канавинский и Автозаводский районы Горького, а еще два – соседний Дзержинск. Таким образом, к 1990–2000 годам город должен был стать первым в СССР, который практически полностью перешел бы на атомное отопление и электроснабжение. У энергетиков и коммунальщиков, как говорится, от планов дух захватывало! «При новой системе себестоимость горячей воды у нас снизится в разы, – рассказывал автору дедушка, в тот период начальник отдела жилищно-коммунального хозяйства Горьковского облисполкома. – И экология у нас очистится, смог над городом исчезнет».

Правда, с АТЭЦ вышла промашка. Дело в том, что местность между Горьким и Дзержинском по большей части представляла собой болота и реки с рыхлыми грунтами и большим количеством подземных вод. Поэтому подобрать площадку для атомной ТЭЦ оказалось непросто. А когда подыскивали, изменились нормы приближения атомных станций к городам. В итоге от заманчивого проекта АТЭЦ Горьковскому облисполкому, в котором начальником отдела ЖКХ в то время работал и дед автора, Михаил Кривошей, пришлось отказаться. А вот ГАСТ в районе деревни Федяково и железнодорожной станции Ройка была заложена в 1979 году. Участок находился всего в нескольких километрах к востоку от городской черты, но эта близость была необходима для доставки теплоносителя в систему отопления! Понятно, что гнать горячую воду по трубам за десятки километров не имело смысла. Впрочем, в то время горьковчане слышали о радиоактивных авариях только по слухам, с Чернобыльской АЭС все было в порядке, ее даже показывали в кино в научных киножурналах перед фильмами. Посему никаких опасений по поводу того, что прямо рядом с городом строится и скоро заработает атомная станция, у людей не возникало.

В первое время станция строилась ударными темпами. Как-никак, после апробирования атомной котельной в Горьком аналогичную собирались построить в Воронеже, а потом других крупных городах страны, в том числе Москве и Ленинграде. Уже 1 января 1982 года началось сооружение первого энергоблока «Горький-1». Согласно графику строительства, его планировалось ввести в строй уже в 1985 году, а в 1986-м должны были запустить и «Горький-2», после чего ГАСТ заработала бы на полную мощность. «Это позволит обеспечить теплом большую часть нагорных районов нашего города и отказаться от многочисленных мелких котельных», – рассказывала статья «На атомной станции». Строительству объекта придавалось первостепенное значение, был даже создан городской штаб по строительству Горьковской атомной станции теплоснабжения, который возглавили секретарь горкома КПСС Ю. А. Марченков и председатель горисполкома К. И. Базаев.

Строительство самого корпуса ГАСТ вело строительно-монтажное управление № 4, которое по итогам 1983 года выполнило план по генподряду на 100%. Если бы стройка и дальше шла такими же темпами, то уже через год-полтора в батареях жителей микрорайона Щербинки потекла бы вода из второго контура охлаждения атомного реактора модели АСТ-500. Ну а необычайную надежность ядерной котельной, которую обещали проектировщики из ОКБМ, горьковчанам предстояло проверить на собственной шкуре. Символично, что как раз в Щербинках в это время проживал в ссылке академик Дмитрий Сахаров, один из создателей советской водородной бомбы. Интересно, что он думал о проекте ГАСТ, о котором часто писали в газетах? Однако оптимистичным планам атомщиков, чиновников и коммунальщиков не суждено было сбыться. Уже в январе 1984-го у СМУ-4 возникли первые трудности. «На строительной площадке не хватает рабочих, заметно сдерживает темп и плохое снабжение материалами и оборудованием, – сетовали СМИ. – Члены штаба наметили конкретные меры по устранению этих недостатков и активизации хода строительства важнейшего объекта теплоснабжения». Но времена были уже не те. Советский Союз вступал в период глубочайшего кризиса, вызванного как затянувшейся стагнацией, так и посте-

пенным падением мировых цен на нефть, начавшимся еще в конце 1982 года. Это сказалось на всех отраслях экономики, в том числе и на ядерной энергетике.

В итоге уже на завершающем этапе строительство ГАСТ было приостановлено. В 1985 году работы на объекте шли чрезвычайно медленными темпами, не помогали ни многочисленные совещания, ни ударные смены. Ну а потом случился Чернобыль... Катастрофа, навсегда разделившая мировую атомную энергетику на «до» и «после», волею судьбы наложила на только что начавшуюся эпоху гласности и демократизации, в связи с чем государству на сей раз не удалось не только скрыть, но даже приуменьшить масштабы аварии. В стране началась настоящая атомофобия. А в городе Горьком дававшие когда-то подписку о неразглашении ликвидаторы и свидетели инцидента 1970 года начали понемногу рассказывать, что и у нас, мол, свой «мини-чернобыль» был. Возник резонный вопрос: а нужна ли нам под боком своя атомная станция? Не превратится ли в один прекрасный день город Горький в такой же призрак, как украинская Припять?!

Так или иначе, Чернобыль отодвинул сроки пуска станции. От атомщиков потребовали значительно изменить и пересмотреть существовавшие нормы безопасности (ведь до этого считалось, что советские реакторы совершенно безопасны, ими можно даже чай на Красной площади кипятить!). Все это серьезно удорожало строительство, по слухам, даже была разработана некая аварийная система, когда реактор в случае серьезного сбоя проваливался в шахту и сразу заливался жидким бетоном. Хотя кто бы там этот бетон круглосуточно месил? В общем, противники ГАСТ выиграли значительное время.

Что увидел, то и спел

«Коммунисты затеяли строительство атомной котельной – „атомной станции тепло-снабжения“ (АСТ), – вспоминал Немцов. – Они предлагали нагревать воду в атомных реакторах, и потом через систему теплообменников эту воду под высоким давлением закачивать в нижегородские дома. Поскольку страна на тот момент была безмолвна, никто никого ни о чем даже не собирался спрашивать – стали строить. Однако Нижний – по сути своей город не рабский, у нас появилась общественная организация „За ядерную безопасность“, главной задачей которой было не допустить строительства этой самой котельной. Даже моя мама стала собирать на площади имени Горького подписи против этого проекта. Собственно, благодаря матери я и пришел в политику. Она все время мне твердила одно и то же: „Вот ты занимаешься никому не нужной наукой, а у нас тут собираются ядерную котельную строить. У тебя совесть есть?“ Наконец меня, как физика, попросили войти в организацию». В отличие от обычных «атомофобов» Борис Ефимович первым открыто высказал мысль, что станция не только опасна с точки зрения возможных аварий и штатных ситуаций, но и экономически бессмысленна. Дело в том, что коммунальное хозяйство в это время находилось в довольно запущенном состоянии. Все силы и средства уходили на постройку коммуникаций в новые микрорайоны, в то время как старые, в том числе магистральные водопроводы и сети горячего водоснабжения, не ремонтировались. В конце зимы 1984/85 года, перед смертью генсека Черненко в Горьком даже произошло несколько крупных коммунальных аварий. Тысячи жителей остались без воды и тепла, в нескольких местах вода текла по улицам города, замерзала, превращая проезжую часть в горы льда и парализуя движение. Немцов считал, что коммунальные сети попросту не выдержат атомного напора, трубы, батареи и стояки будут лопаться, а нагретый в реакторах кипяток в итоге придется выливать в поле.

В 1987 году Немцов написал по этому поводу статью в «Горьковский рабочий». А тот на волне начавшейся гласности и страха перед повторением Чернобыля взял да и напечатал ее! Фактически молодой Борис Ефимович (да еще и кандидат физматнаук) прямо озвучил то, что другие либо не решались сказать, либо говорили в более обтекаемой, завуалированной форме. Эту особенность Немцова (что вижу, то и говорю) впоследствии отмечали многие его коллеги и поклонники¹. В данном случае он сказал то, что надо было. Поэтому редакцию «Горьковского рабочего» завалили письмами читателей. Газета в духе времени попыталась организовать нечто вроде круглого стола, но из этого ничего толком не вышло. Оправдания сторонников ГАСТ, чиновников и самих атомщиков, а также их призывы «не спешить», «взвесить все за и против» вызывали только озлобление и еще более яростные крики противников. В результате «Горьковский рабочий» (видимо, по совету городских властей) тему постепенно прикрыл. Но ее тут же подхватила самая либеральная нижегородская газета того времени – «Ленинская смена». Это был печатный орган местного обкома ВЛКСМ, издававшийся еще с 1919 года. Однако статьи про ударные стройки и комсомольскую мораль во время перестройки перестали привлекать читателей, и издание смело сбросило старую шкуру, начав писать про самые актуальные и злободневные темы.

«Общество настолько серьезно отнеслось к проблеме, было столько откликов, что в нашем институте даже специально поставили стол для „писем Немцову“, – рассказывал Борис Ефимович. – Это был 1987 год. Мне 27. К этому времени я уже защитил кандидатскую и начал писать докторскую и даже не помышлял о какой-то общественной карьере. Но меня стали включать во всякие экологические проекты, приглашать на собрания, акции. В конце

¹ Даже в фильме «Борис Немцов. Слишком свободный человек» бизнесмен Михаил Прохоров охарактеризовал Немцова: «Борис, ты как чукча, что вижу, то и пою».

концов, я просто не мог оставить маму на площади в одиночестве. Так и втянулся». Однако и атомщики не сдавались. Ведь в проект было вложено столько сил и средств, научных идей и трудов, что просто жалко было его бросать в момент, когда станция была уже фактически построена! Что же, нам ее сносить теперь?! Популизм!

В начале 1989 года отделение института Атомэнергопроект разработало новую схему теплоснабжения города Горького (нагорная часть) на период до 2005 года. В схеме было предложено несколько вариантов, но все с участием ГАСТ. При этом указанная контора буквально шантажировала народ в духе: вот не построим атомную котельную, замерзнете все зимой! «Начался отопительный сезон, необходимо, чтобы каждый потребитель получал и расходовал тепла только столько, сколько ему действительно требуется, – писал в октябре 1989 года начальник отдела института В. Юртаев. – Следует каждому жителю города обратить внимание на источники потерь тепла в квартирах, работникам котельных – на строгое соблюдение параметров теплоснабжения». Из уст представителя атомной отрасли, не имевшей к коммунальному хозяйству никакого отношения, этот призыв выглядел как-то нелепо. С чего вдруг «Атомэлектропроект» так печется об экономии теплоносителей? Строительство ужасающей ГАСТ, название которой у некоторых вызывало неприятные ассоциации с болями в животе и гастритом, тем временем медленно, но продолжалось. Помню, как летом того же 1989 года наш класс поехал на практику в ЗЛТО (загородный летний трудовой лагерь). Проезжая Кстовский район, мы, 14-летние подростки, неожиданно увидели огромный силуэт атомной станции, возвышавшийся над холмами. После Чернобыля большой бетонный куб с характерной длинной трубой вызывал неприятные ассоциации. «Вот она – атомная станция!» – с трепетом переговаривались мы между собой. Выглядела она и вправду зловеще.

В 1990 году борьба против атомной станции продолжалась. И главным действующим лицом в ней, конечно, был не по-прежнему мало кому известный Немцов. 5 апреля сессия областного Совета народных депутатов Горьковской области постановила: «Областной Совет выступает за немедленное запрещение дальнейшего строительства Горьковской атомной станции теплоснабжения». Вскоре аналогичное решение с формулировкой «считать невозможным дальнейшее строительство и пуск станции» принял и городской совет. Несмотря на это и продолжающиеся протесты общественности, возведение объекта все еще продолжалось. В мае в Москве прошло совещание у заместителя председателя Совета министров СССР Л. Д. Рябова с участием председателя Горьковского облисполкома А. А. Соколова, народного депутата СССР В. Л. Ерохина и директора ГАСТ Ю. А. Здора. На нем решили, что работы все же надо продолжать. «Будучи в этом году на АСТ, я удивился: щит управления укрыт пленкой, кажется, сними ее – и он вспыхнет разноцветными огоньками, – рассказывал в своем интервью заместитель председателя Горьковского облисполкома А. М. Макиевский. – Реакторный зал вот-вот обретет рабочий вид – достаточно закрыть шахту реактора. Персонал уверен в себе и „активно обороняется“». Затем министр атомной энергетики Коновалов опубликовал интервью в газете «Правда», в котором указал, что «самый безопасный в мире» реактор АСТ-500 уже создан и станция по-прежнему сооружается. Минатомэнергопром приступил к строительству жилых домов и объектов социальной инфраструктуры ГАСТ. Атомщики также предложили некий компромиссный вариант: создать на станции учебный центр (стендовую базу для нужд атомной энергетики) без загрузки топлива в реакторы. Чиновники, вероятно, рассчитывали, что вернуться к вопросу можно будет немного погодя, когда страсти и эмоции улягутся. Ведь столько сил и средств (без малого 170 миллионов!) уже вложено в этот гениальный проект!

Ну а народ, боявшийся повторения Чернобыля, требовал немедленно прекратить или хотя бы приостановить стройку... Тем временем кто-то вспомнил, что на территории Горьковской области уже существует «опаснейший объект» – радиоактивный могильник в Семе-

новском районе. Это позволило горьковским экологам и активистам расширить фронт борьбы против «мирного атома».

Еще в 60-х годах для централизованного сбора, транспортировки и хранения низко- и среднерадиоактивных отходов в СССР была создана целая сеть комбинатов «Радон». В 1960 году в 3 километрах к юго-западу от деревни Полом Семеновского района было построено горьковское хранилище отходов. В 70-80-х годах этот весьма скромный по своим размерам и назначению объект оброс многочисленными мифами и легендами. Мол, у коров, которых здесь пасут, «развиваются болезни и мутации», в лесу встречаются «зайцы метр ростом», детишки, искупавшись в речке неподалеку от хранилища, вылезают из воды «уже с радиоактивными ожогами», ну и «грибы невероятных размеров» грибники находят... Одним словом, настоящая «зона 51» в заволжских лесах!

В июне 1990 года жители Семеновского района в духе времени решили бороться с «местной Хиросимой». Сначала провели митинг, выставили на дороге, ведущей к «зоне», пикеты и деревянные ограждения, а 27 июня решительно отправились на сам объект. Само собой, вооружившись дозиметрами, которые в те годы многие приобретали как необходимую вещь в домашнем обиходе. К хранилищу вела хорошая асфальтированная дорога, вдоль которой торчали таблички с желто-красными кругами – символом радиационной опасности. Правда, приборы, к великому разочарованию атомофобов, показывали от 4 до 10 микрорентген в час при естественном фоне 6-20 микрорентген. «Ну ничего! – думали они. – Вот сейчас дойдем до „зоны“, а там наверняка охрана с пулеметами и горы „фонящих“ отходов!» Каково же было изумление активистов, когда вместо КПП и охранников с собаками они увидели на въезде калитку и сторожку! Собака там была и даже лаяла, но главная ее задача состояла в том, чтобы будить мирно спящего и единственного (!) сторожа. При этом удивленный и заспанный мужик не только не прогнал борцов с атомом, но и согласился провести экскурсию по объекту. Вместо какого-то угрожающего вместилища с сотнями тонн отходов гости увидели несколько небольших и закрытых бетонных колодцев. Причем, как ни мерили «экологи» радиацию, даже около стены могильника дозиметры не показали больше 12 микрорентген. «И это все, что „накопили“ за 30 лет? – недоумевали активисты. – А где же, собственно, радиация?» Еще больше их удивил оптимизм сторожа. Тот поведал, что работает здесь уже много лет, никакой радиации не боится и чудо-грибов мутантов в глаза не видел...

«Обезличенный ассортимент»

Впрочем, борьба с атомом в это время конечно же была далеко не главной заботой трудящихся. В 1990 году страну стало лихорадить все больше. Даже оптимисты стали осознавать, что советский строй, а главное – его экономика разваливается буквально на глазах. Дефицит товаров, несмотря на предпринимаемые горбачевским правительством отчаянные меры, усугублялся с каждым днем. Картина всеобщего хаоса и развала постоянно рождала на свет все новые и новые, доселе неизвестные и непривычные явления. Характерный для этого времени случай имел место в магазине «Обувь» в Горьком, что находился на проспекте Гагарина рядом с заводом «Гидромаш». Вернее сказать, не в самом магазине, а возле него на улице. В то время была такая «мода» в городах – торговать дефицитным товаром снаружи, чтобы огромная очередь «не мешалась» в торговом зале. Это сейчас продавцы готовы ковры расстилать перед покупателями, лишь бы обратили внимание на их «лавку», а в 80-х годах они считали себя настоящими королями, которым народ только мешал! Ходят тут всякие, понимаешь, мешают работать...

Когда жители узнали, что возле «Обуви» будут продавать женские зимние австрийские сапоги по цене 130 рублей, к магазину мгновенно стянулась толпа народу. Это ж дефицит, да еще и импорт! Однако надеждам женщин, уже представлявших, как они зимой будут щеголять в австрийских сапогах, не суждено было сбыться. «Когда торговля началась, мы все, стоящие в очереди, увидели, что инициативу полностью захватили дюжие парни, – писали в коллективной жалобе в ОБХСС работницы завода „Гидромаш“. – Они, применив физическую силу, блокировали все подступы к прилавку, передавали друг другу деньги и таким образом на глазах очереди и милиционеров скупили несколько десятков пар сапог. Из очереди сапоги купить никто не смог... Таким образом, с 16 до 20 часов „мафиози“ скупили почти все поступившие в продажу сапоги, которые через некоторое время окажутся на черном рынке по цене 300–400 рублей».

В 1990 году скупка дефицита спекулянтами действительно приобрела огромные масштабы. Установив тесные связи с работниками торговли, они заранее узнавали о поступлении тех или иных товаров на склады, после чего останавливали двигавшиеся к магазинам машины и под угрозой заставляли водителей продавать им содержимое! То есть выехал газон с базы с тридцатью ящиками обуви, а к магазину приехал уже с тремя-пятью! Дошло до того, что работники ОБХСС формировали вооруженные команды, которые сопровождали грузовики с дефицитом от базы до магазина. Но и это не помогало. Тем более что, даже если и удавалось поймать скупщиков с поличным, доказать их вину и осудить было практически невозможно. «Мы ж не украли ничё, а только купили! – резонно заявляли правоохранителям новоиспеченные бизнесмены. – И всё для себя!» Благо некогда грозная статья 154 УК «Спекуляция» уже не действовала, ибо во время перестройки частная торговля под видом «кооператорства» была фактически легализована.

Не имея возможности купить даже самые простые вещи в магазинах, измученные граждане вынуждены были идти за ними на черный рынок. Дефицитом стали даже такие «предметы первой необходимости», как водка и табак. Сигареты покупали впрямь по несколько блоков, если же вовремя «взять» не удавалось, людям приходилось ехать на вокзалы, искать там цыганок, у которых в изобилии имелись болгарские сигареты: «Ту-134», Oral, Рогопи (в простонародье «Родопи») и др. К примеру, Московский вокзал в Горьком, известный как «Москарик», в конце 80-х вообще превратился в настоящий Шанхай! «И тут, и там обосновались сомнительного назначения „лотереи“, облапошивающие простодушных жаждущих выигрыша; толпы цыганок, втридорога торгующих косметикой и иными товарами; несметное число кооперативных киосков; торговые точки, торгующие в антисанитар-

ных условиях», – писал «Горьковский рабочий». Возмущенные недоумевали: а куда, собственно, смотрят ОБХСС и милиция?!

Последняя в это время попросту не справлялась с растущей волной преступности и уличного хулиганства. «Посмотрите, что творится у нас в городе, – писал в газету один из горьковчан. – Киоски „Союзпечати“ грабят и громят, скамейки ломают, воруют, спекулируют, убивают... Вечером во дворах, подвалах домов собираются подростки, молодежь. Ведут себя они вызывающе, агрессивно. Но не видно здесь ни участковых, ни милицейских патрулей... А посмотрите, сколько стало повсюду пьяных, хулиганов, дебоширов, матерщинников». Отдельной проблемой стало «телефонное хулиганство». Разгром и ограбление телефонов-автоматов были серьезной проблемой еще в конце 60-х. А через 20 лет она приобрела поистине катастрофические масштабы. В то время как мелкие жулики вскрывали аппараты и ссыпали из них по 4–6 рублей мелочи, шпана просто била стекла кабин, отрывала двери и даже сбрасывала телефонные будки в овраги и водоемы. В Горьком за 1989-й – первый квартал 1990 года было украдено свыше 400 уличных телефонных аппаратов, 5 тысяч трубок, разбито 1200 стекол в кабинках. Были в этом виде преступлений даже свои рекордсмены. К примеру, пойманный с поличным и осужденный на два года исправительных работ С. Синьков (работник молококомбината) уничтожил столько телефонов-автоматов, что ими можно было бы оборудовать целый новый микрорайон.

В этих условиях власти начали вводить «подушное распределение фондовых мясopодуктов для продажи населению». Проще говоря, талонов на мясо. Собственно, как таковые талоны (или карточки) на продукты питания и некоторые товары народного потребления действовали и ранее. Для тех, кто не знает или подзабыл, о чем идет речь, поясним, что по талону каждый гражданин имел право купить в месяц (а не получить бесплатно, как некоторые думают) определенное количество дефицитного товара. То есть человеку надо было отстоять очередь, вручить злобному продавцу специальную бумажку с определенным сроком действия и только потом – деньги за товар. Зато гарантированное количество и по «государственной цене»! Талоны выдавались по месту прописки в ЖЭКе (или в общежитии – для студентов). На них не печатались ни фамилия, ни адрес, это была бумажка на предъявителя, которую можно было отоварить в любом магазине. Скажем, те, для кого водка была важнее масла и сахара, могли обменять талоны родственникам и знакомым. В принципе «лишние» карточки можно было даже продать. Ибо цена на ту же сорокаградусную по талонам была в разы меньше, чем на черном рынке. Мясные карточки (это слово официально использовать побоялись из-за неприятных ассоциаций с блокадным Ленинградом) еще называли «талонами на обезличенный ассортимент». То есть граждане могли сами выбрать, что им брать. Либо полтора килограмма фасованного мяса, либо 1,2 килограмма вареной колбасы, либо 850 граммов полукопченой колбасы, либо 1 килограмм свинокopченостей, либо 750 граммов мясных консервов. Кстати, уже тогда Горьковским горсоветом был подготовлен и еще один, «крайний вариант» распределения мяса. Согласно ему все горожане получали бы 0,75 килограмма вареной колбасы и 0,5 килограмма полукопченой, а вот мясо (полтора килограмма в месяц) полагалось только работникам производственной сферы. Таковых в Горьком числилось 693 тысячи человек при почти полутора миллионном населении. А это уже пахло нормами военных лет!

Широкая общественность восприняла нововведение по-разному. Одни говорили – мол, «докатались», «дальше перестраиваться некуда» и вообще скоро «снова голод будет». Другие, особенно малообеспеченные граждане, напротив, введение мясных карточек поддерживали. Им казалось, что таким способом будет наконец восстановлена поправная социальная справедливость: «пусть по талонам, лучше впроголодь, зато всем поровну», «мало, зато дешевле, чем у спекулянтов на базаре»...

Впрочем, на деле все оказалось не так просто. В отличие от продававшихся по талонам сахара и чая мясопродукты относились к скоропортящимся товарам и подлежали реализации в день поступления в продажу. В связи с этим горисполком просил жителей города не задерживать дома талоны, а «равномерно в течение указанного месяца посещать магазины» и отовариваться. Каким образом должна осуществляться эта «равномерность», чиновники конечно же не пояснили! Одним подъездом идем отовариваться в первую неделю, вторым – во вторую, третьим – в третью?! Или же составлять поквартирные графики отоваривания талонов? Понятно, что, получив спасительные карточки, граждане панически боялись, что те, как говорится, «сгорят». Посему при первой же возможности обегали ближайшие гастрономы и вставали в очередь за колбасой или копченостями. Надо было иметь железную выдержку, чтобы «равномерно» дожидаться конца месяца и идти за мясом на исходе срока действия талона. Лучше уж сразу отоварить и в морозилку его! Хотя «обезличенный ассортимент» и предполагал выбор, в действительности брали в основном то, что «дают». Разумеется, выдаваемого по талонам мяса (тем более оно нередко продавалось «вдовесок» с костями) для пропитания было недостаточно. Спасением для горьковчан оставались курятина, котлеты, пельмени и суповые наборы, которые по-прежнему продавались свободно, без талонов. И к тому же дешево! А до введения рыночной экономики, которая навсегда покончила с пресловутым советским дефицитом, оставалось еще полтора года...

Вот в таких условиях 4 марта 1990 года и прошли выборы народных депутатов РСФСР. 1068 человек было избрано на съезд народных депутатов России сроком на пять лет, причем 86% из них по-прежнему являлись членами КПСС, хотя это слово в то время уже стало нарицательным. Беспартийным депутатам и демократам в парламенте досталось всего 148 мест. Среди последних оказался и молодой горьковчанин Борис Немцов!

Свою избирательную кампанию он проводил под лозунгами остановки строительства ГАСТ, возвращения городу исторического названия Нижний Новгород и жесткой критики КПСС. «Они были уже свободными, но довольно жесткими, потому что все-таки проходили под контролем компартии, – вспоминал Немцов о тех выборах. – Я имею в виду прессу, руководителей всех предприятий. Не обошлось без довольно забавных эпизодов. Самое главное состояло в том, что коммунисты, борясь со мной, предложили в качестве альтернативы одиннадцать (!) кандидатов. Все одиннадцать были коммунистами, которые, может быть, и имели разные программы, внешне, но внутренне отвечали требованиям тогдашнего обкома к народным депутатам.

Потом, когда я уже победил, я спросил одного босса, зачем они сделали такую глупость, зачем было одиннадцать коммунистов выдвигать против меня. Он наивно ответил:

– Если не понравился бы один из них, то мог понравиться другой. Или третий. Главная задача была, чтобы ты никому не понравился».

Однако «боссы» сильно ошиблись! Молодой, красиво говорящий физик, борец с атомной станцией просто не мог не вызвать симпатии у народа. А тот факт, что Немцова всячески охаивали и препятствовали его выступлениям, только прибавлял ему популярности. Ах так?! Решаете за нас всё! А мы вот назло за этого лохматого парня пойдем голосовать! С этой особенностью своих земляков Борис Ефимович потом сам неоднократно столкнется, когда уже будучи губернатором и вице-премьером будет «пропихивать» на пост мэра Нижнего Новгорода «своих» людей. «Мне было очень трудно встречаться с людьми, – сетовал Немцов. – Многие руководители предприятий просто не допускали моих встреч с народом. Например, тогдашний директор автозавода долго не впускал меня на территорию предприятия, и мне пришлось проехать туда нелегальным образом. В кузове грузовика. А когда я приехал на встречу на Автозаводскую ТЭЦ, собравшимся объявили, что все будут немедленно отправлены на уборку территории. В наказание. В нерабочее время. На целую неделю». Характерно, что Немцов, позиционировавший себя интеллигентом, избирался не в нагорной

части города, считавшейся местом жительства советской элиты и интеллигенции, и даже не в Сормове, славном своими революционными и судостроительными традициями, а на Автозаводе! Фактически отдельном городе в городе, всегда жившем по своим правилам и где настоящим начальником фактически был не первый секретарь райкома, а директор ГАЗа². Смелость? Или веселое хулиганство?

Немцов в итоге победил и вскоре впервые оказался в Москве. Не физически, а политически, разумеется. И тут же попал в самую гущу событий, ускоривших крах советского строя. Избранный съезд начал работу 16 мая с избрания народного депутата РСФСР Бориса Ельцина председателем Верховного Совета. А 12 июня парламент принял Декларацию о государственном суверенитете (впоследствии эта дата будет названа Днем независимости). В этот же период Немцов познакомился с Ельциным. Сам он описывал это событие так: «Депутаты съехались в Москву на первое заседание Верховного Совета РСФСР, и Ельцин пригласил на встречу тех, кто победил под демократическими лозунгами. Собрались. Ельцин зашел, увидел меня, молодого парня (а мне тогда было 30 лет), и с ходу говорит: „Вы из Нижнего Новгорода? У вас есть какие-нибудь идеи, как нам обустроить Россию?“ Меня это удивило. Он несколько часов сидел и слушал нас, совсем молодых людей, неоперившихся, практически ничего не комментируя и только что-то записывая. И это не был аттракцион по внимательному прослушиванию разговоров начинающих политиков, это был заинтересованный, важный разговор».

Уже тогда Немцов понравился Ельцину своими красивыми речами, а Ельцин восхитил Немцова своим «смелым» поведением. Мол, что бы ни делал будущий президент России, все это «соответствовало запросам общества». И перечислил: падал с моста в реку, ездил в трамвае, ходил по районным поликлиникам. А именно этого, по мнению Бориса Ефимовича, в тот период и ждало общество от своего лидера. Герой, не похожий на импозантных и «скучных» партийных боссов советского периода!

О работе Немцова в качестве депутата, как и о его учебе в школе, известно немного. Сам он описывал тогдашний российский парламент как сборище хулиганов. «Парламент представлял почти весь политический и общественный спектр того времени: огромная фракция классических коммунистов, чуть меньше – фракция коммунистов, которые за демократию, отдельная фракция – „Демократическая Россия“, еще какие-то националистические группы, – вспоминал он. – По каждому вопросу, по каждому законопроекту – бурные споры, скандалы, доходившие до мордобоя». Между делом 22 октября 1990 года был выполнен один из пунктов немцовой предвыборной программы. Первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов подписал постановление о переименовании города Горький в Нижний Новгород.

² Кстати, и в будущем Немцов не нарушал традицию и даже в 1999 году избирался в Государственную думу от Автозаводского и Ленинского районов. Против бывшего директора завода Бориса Видяева. И снова победил!

Глава 3

Перемены требовали сердца

Крах Нижегородского ОКЧП и звездный час Немцова

15 августа 1991 года молодежь всей страны отмечала годовщину со дня смерти певца Виктора Цоя. Слова одной из песен кумира «Перемены требуют наши сердца» на редкость точно отражали настроение населения страны, уставшего от серой и унылой совковой действительности. И перемены следовали одна за другой. Недавно избранный президент РСФСР Борис Ельцин подписал указ о департизации, согласно которому на заводах и в учреждениях ликвидировались парткомы и партячейки. В это же время в Нижнем Новгороде открылась Нижегородская товарно-фондовая биржа. Лексикон пополнился режущими слух буржуйскими терминами «брокер», «сделка», «торги», которые при советской власти после отмененного Сталиным НЭПа и представить было невозможно. Именно в историческом августе в карманах людей захрустели новые «полтинники» и 100-рублевые купюры образца 1991 года, главным отличием которых от привычных советских денег стало отсутствие профиля Ленина. А в свободную продажу только что поступили американские сигареты «Винстон» и «Мальборо». Как выглядят последние, большинство советских граждан знало только из комедии «Иван Васильевич меняет профессию», в которой вор Милославский пританцовывал в «царских палатах» под песню «Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь...» с пачкой «Мальборо» в руке. Летом 1991 года также впервые зазвучали слова «безработица» и «безработные». Одним словом, социализм продолжал рушиться, плавно и мирно, без боя, сдавая свои позиции капитализму. Хотя государство по-прежнему называлось Советским Союзом, а над административными зданиями все еще развевались красные флаги. Казалось, советская власть просто мирно исчезнет сама собой...

Однако в последний момент она, неожиданно для всех, все-таки дала тот самый «последний и решительный бой», о котором пелось в гимне КПСС.

Начиная с 4 часов утра 19 августа радио начало передавать сообщения о переходе власти в стране к так называемому Государственному комитету по чрезвычайному положению. Включив телевизор, люди неожиданно увидели там балет «Лебединое озеро», транслировавшийся на всех каналах. Что интересно, в ТВ-программе на понедельник 19 августа этот спектакль действительно должен был демонстрироваться, только не весь день, а в 16:40 и только на первом...

Ну а на родине Немцова – в Нижнем Новгороде, – купив в киосках газету «Нижегородский рабочий», граждане увидели на первой полосе «Обращение к советскому народу», в котором в патетическом тоне говорилось: «Соотечественники! Граждане Советского Союза! В этот критический для судеб отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечить динамичное развитие страны и демократизацию общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик». В заключение народ призывали «осознать долг перед родиной и оказать всемерную поддержку ГКЧП». Реакция людей была самой разной, от страха и уныния до радости. Кое-кто потирал руки, надеясь, что игра в демократию наконец-то закончится и в страну вернется железный порядок...

Пока люди приходили в себя и слушали музыку Чайковского, в 11:00 в Нижегородский кремль начали одна за другой съезжаться черные «Волги» руководителей администрации, правоохранительных органов, КГБ и армейских подразделений. На закрытом совеща-

нии обсуждался вопрос о создании Областного комитета по чрезвычайному положению (ОКЧП) в составе 12 человек. Именно такое секретное указание получили областные власти из Москвы. Идею активно поддержали прокурор области В. И. Резинкин и командующий внутренними войсками генерал-майор Павлов. Однако председатель областного Совета (фактически глава региона) Александр Соколов, которому и предстояло возглавить новый орган, колебался. Опытный хозяйственник, начинавший карьеру при Брежневе, понимал, что пути назад не будет. Если поддержим ГКЧП, а он провалится, нас как минимум снимут, а может, и посадят. А если публично осудим «чрезвычайщиков», а победят они, тоже снимут и, скорее всего, посадят! В то же время многие присутствующие смело выступили против ГКЧП, а председатель горсовета Евгений Сабашников открыто заявил о нелегитимности как самого «комитета», так и его распоряжений. В подобном двусмысленном положении, которое всегда бывает во время путчей и переворотов, оказались тогда все руководители областей и крупных городов.

В итоге никаких радикальных решений попросту не приняли, решив выждать время. Ограничились лишь полумерами, войска, расположенные на территории Нижегородской области, были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Нетрудно догадаться, к чему именно они были «готовы». В то же время отряд милиции блокировал здание Нижегородского телецентра, а газеты получили указание не выпускать в печать материалы без визы цензора. Но никто никого не арестовывал и никому не препятствовал.

В 15:00 того же дня началось совещание президиума горсовета с участием руководителей районов и депутатов. Большинство расценило происходящее в Москве как переворот. В обращении к населению народные избранники призвали нижегородцев сохранять спокойствие и выдержку. Спустя три часа на площади Минина состоялось открытое собрание депутатов местных Советов всех уровней, переросшее в митинг. Площадь пестрила лозунгами и транспарантами типа «Хунте нет! Демократии – да!». Под одобрительные крики толпы был зачитан указ президента РСФСР и Обращение к гражданам России, подписанное Борисом Ельциным и председателем Верховного Совета РСФСР Русланом Хасбулатовым. Тексты этих документов были переданы прямо из Белого дома в Москве по телефону. В какой-то степени события, происходившие в Нижнем Новгороде, напоминали московские, только в миниатюре. Сторонники хунты, вымолвив «А», боялись сказать «Б», а противники, воспользовавшись их нерешительностью, развернули активные действия с привлечением широких масс населения. В этом и было слабое место путчистов, они апеллировали к абстрактному «советскому народу», которого фактически уже не существовало, в то время как их оппоненты – к конкретным людям, почувствовавшим вкус свободы и не только не желавшим с ней расставаться, но и готовым встать на защиту недавно избранного президента.

В девятом часу вечера, вопреки цензуре, нижегородцы увидели программу Ленинградского телевидения, где в прямом эфире выступил мэр города Анатолий Собчак, охарактеризовавший происходящее как государственный переворот. Затем уже в выпуске программы «Время» неожиданно вышел в эфир сюжет, подготовленный корреспондентом Сергеем Медведевым об обстановке у Белого дома, в который попал и Ельцин, зачитывающий подписанный накануне Указ «О незаконности действий ГКЧП». На фоне этого показанная позднее пресс-конференция членов ГКЧП с трясущимися руками вице-президента СССР Янаева выглядела уже как жалкий спектакль.

Нижегородская газета «Ленинская смена», которую в народе в те времена ласково называли «Леночкой», в годы перестройки приобрела имидж самого либерального печатного издания региона. Очередной номер должен был выйти во вторник 20 августа. Молодой коллектив редакции во главе с И. Крыжковым подготовил нечто вроде экстренного выпуска с шапкой для первой полосы: «Михаил Сергеевич, выздоравливайте побыстрее!» Ниже решили напечатать тексты указов Б. Н. Ельцина и материал о блокировании мили-

цией Нижегородского телецентра. Однако директор издательства «Горьковская правда», в котором тогда печатались все местные газеты, В. Забурдяев отказался принимать номер в работу, ссылаясь на решение цензора. Тогда редакция «Леночки» ночью приняла беспрецедентное решение – в знак протеста выйти к читателям с чистой первой полосой. «Главное – дать понять людям, что произошло нечто такое, что одним махом перечеркивает все наши демократические начинания. Судя по реакции читателей, мы добились своего», – писала газета спустя неделю после этой рискованной акции. Событие получило большой резонанс, в том числе в столице. Часть протестных экземпляров «Ленинской смены» уже после провала путча попала в Москву, в том числе к министру культуры РСФСР Юрию Соломину. Известный артист написал на белом листе следующие слова: «Хотелось иметь на этом листе бумаги честные слова порядочных людей. В защиту демократии нашего народа. Мне стыдно за нас».

Тем временем ситуация быстро менялась. 21 августа местные газеты уже открыто осуждали хунту и публиковали репортажи из Москвы. В 10 часов утра в Нижнем Новгороде открылась внеочередная сессия городского Совета народных депутатов. Народные избранники проходили в здание через толпу митингующих. К тому моменту было уже понятно, что путч в Москве провалился, и депутаты в тот же день без особых разногласий приняли резолюцию о политическом положении, в которой единодушно осудили государственный переворот.

Неделя после 19 августа воистину перевернула мир. В понедельник, 26-го числа, нижегородцы проснулись уже в совсем другой стране. По приказу президента России милиция закрыла и опечатала здание обкома КПСС в кремле, всех райкомов, партийного архива и даже гаража на улице Семашко. Сотни партийных работников в одно мгновение остались без работы. В то же время парторганизации в учреждениях и на заводах одна за другой стали заявлять о самороспуске. То, что еще недавно казалось незбылемым, растворялось как туман.

Днем на площади Минина состоялся новый митинг под лозунгом «Демократия победила хунту». Присутствовавшие ликованием и овациями встретили весть о том, что президиум областного Совета во главе с Соколовым подал в отставку. Опьяненные победой нижегородцы призвали немедленно приступить к сносу всех памятников Ленину, переименованию улиц и площадей, а также разогнать воинские части и КГБ. Вечером того же дня красные флаги, развевавшиеся над кремлем, были сняты. Власть коммунистов, длившаяся 74 года, окончательно пала, а судьба страны под названием СССР была окончательно предопределена.

32-летний Борис Немцов во время путча, разумеется, находился там, где и положено, оборонял здание Верховного Совета. И тем самым подтвердил поговорку «оказался в нужное время в нужном месте». Ельцин, разумеется, заметил высокого коллегу, выступавшего с речами перед народом и призывавшего стоять до последнего за свободу, что и сыграло ключевую и поворотную роль в жизни Бориса Ефимовича. Ему, можно сказать, выпал шанс один на миллион, и он им воспользовался на всю катушку. После того как за поддержку ГКЧП в Нижнем Новгороде было снято в полном составе областное руководство, в регионе фактически возникло безвластие. А когда у Ельцина возник вопрос, кого туда посадить, он, разумеется, вспомнил про депутата Немцова. Во-первых, тот только что стоял с ним на баррикадах, во-вторых, президент просто больше никого из «горьковских» лично не знал. И уже 27 августа Борис Ефимович стал его полномочным представителем в регионе. «Он был настоящим партсекретарем, – вспоминал он об этом событии. – Особо не разбирался в ситуации в Нижегородской области, просто сказал: „Ты – парень молодой, по всей видимости, ни черта не понимаешь в управлении. Поэтому – вот тебе испытательный срок. Я тебя давно

знаю, ты меня никогда не подводил и, думаю, сумеешь справиться. А может, не сумеешь. Не справишься – сниму тебя через пару месяцев“».

Так, благодаря неудавшемуся путчу, Горьковская область (формально она была переименована в Нижегородскую только в 1994 году) совсем неожиданно получила нового начальника. На смену солидным партократам (сейчас это модное в конце 80-х слово уже позабыли), десятилетиями выслуживавшим подобные должности в медленно ползущих советских социальных лифтах, пришел молодой парень с кудрявыми волосами. Напоминавший своим видом хиппи, которых еще лет семь назад высмеивали в газетах, как примеры «недовоспитанной» молодежи! Такого советская власть не могла представить даже в кошмарных снах. Физик с замашками плейбоя, самостийный борец против атомной станции, «сопляк», не имевший ни малейшего опыта управленческой работы (даже пионерское звено в школе не возглавлял), занял кабинет председателя облисполкома. А потом и вовсе переехал в расположенный напротив бывший обком КПСС! Прямо как Александр Керенский, поселившийся летом 1917 года в святая святых – Зимнем дворце.

Шапка или бутылка?

В последнее время стало очень модно вспоминать положительные стороны советской власти и задаваться риторическими вопросами, можно ли было сохранить Советский Союз и кто, собственно, «развалил» великую державу. А вот в конце 1991 года на сей счет мало кто по-настоящему переживал. Более того, хотя формально СССР прекратил свое существование 26 декабря 1991 года, когда Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования Союза и официальном роспуске его институтов власти, задолго до этой даты о нем уже стали говорить в прошедшем времени. «Степень суверенизации той или иной республики бывшего Союза не есть показатель стабильности, – писал журналист „Ленинской смены“ Владимир Кочетков. – Напротив, нарастающее самоутверждение наций зачастую становится той силой, которая заставляет сниматься людей с обжитых мест. И потому слово „беженец“ уже перестало всех шокировать». Действительно, беженцы, разваливающийся общественный транспорт, рост преступности волновали народ куда больше, чем судьба Советского Союза. Даже самое элементарное – достать водки – стало настоящей проблемой для обозленного и уставшего от дефицита и очередей народа.

«Хочется шампанского» – так называлась характерная статья Юрия Яндаева в той же «Ленинской смене». Дело в том, что работа завода шампанских вин практически прекратилась. То бутылок не было, то линия сломалась... «Сегодня никто не знает, и поставщики наши в том числе, как будем жить завтра, – жаловался Яндаеву директор предприятия. – Все предварительно дают согласие на поставки на словах. Но как дело доходит до подписания договоров... Увы». Оно и понятно: все ждали перемен и обещанной «либерализации цен», а торговать по старым, да еще по талонам, уже никто не хотел. О нравах того времени красноречиво свидетельствуют и криминальные сводки за декабрь 91-го. «Ленинский район: два любителя выпить, разбив оконное стекло, проникли в медпункт СПТУ № 6 и похитили 0,5 литра спирта, но были задержаны милицией... Московский район: около 10 часов утра на улице Куйбышева был ограблен инвалид Г., преступник отобрал у него бутылку красного вина. В 12 часов по приметам налетчик был задержан сотрудниками милиции... Автозаводский район: в автобусе № 40 двое грабителей напали на работника ПО „ГАЗ“ С. и, нанеся ему побои, отняли сумку, в которой находилось две бутылки водки» – и т. п. «Жутко было видеть плачущего пожилого мужчину. Почти старика, – рассказывала статья „Винный рэкет“ в „Нижегородском рабочем“. – У него среди белого дня на глазах у десятков жителей Молиотовки, стоящих в многолюдной очереди за спиртным, отняли бутылку водки. Человек плакал от обиды и бессилия». Подобные драмы в те дни можно было наблюдать во многих продуктовых магазинах. Едва в эти «пункты массового притяжения» завозили водку, как откуда ни возьмись появлялись группы спортивно сложенных молодых людей, которые грубо оттесняли первые ряды очереди и брали вожаемый напиток целыми ящиками. Другие сновали среди утомленных очередников и настойчиво предлагали: «Давай деньги! Возьму без очереди». Правда, соблазнившиеся на эту «помощь» мужики чаще всего не получали потом ни водки, ни денег. Бывали и более вопиющие случаи. Впрочем, даже тех, кто, не щадя сил и не жалея времени, все-таки «достоял», порой ждал «облом». «Однажды, когда дождавшийся своего часа очередник уже протягивал деньги в заветное окошко магазина № 5 (остановка „Школьная“), те же спортивного вида налетчики стянули с его головы шапку, – рассказывали журналисты. – Потом дождались, пока покупатель отоварит талоны, и потребовали за его же головной убор выкуп – бутылку. Когда тот отказался, забросили ушанку на крышу магазина». И такие сцены в продмагах были в порядке вещей.

Надо отметить, что упомянутый мужик, не сломившийся перед вымогателями, сильно рисковал. Ведь лишиться шапки в те времена было настоящей катастрофой! Купить голов-

ной убор в магазинах в 1991 году стало практически нереально, а никаких барахолок тогда еще не было. В Нижнем Новгороде единственной точкой, где трудящиеся могли приодеться, был промтоварный рынок возле станции Костариха. На эту «толкучку» по выходным дням устремлялись толпы народа со всех концов города. Заплатив рубль за вход, граждане попадали в царство лиц цыганской национальности, бойко торговавших пуховиками, сапогами, свитерами и прочим шмотьем. И хотя страна еще формально оставалась советской, цены на «толкучке» были уже вполне себе рыночными. «Если вы приедете на промтоварный рынок, чтобы купить шапку не как у почтальона Печкина из мультфильма, а приличную, то в своем портмоне надо иметь не менее полутора-двух тысяч. Мужские сапоги стоят 900-1000 рублей, брюки-варенки – 700, куртка – полторы, шапка – две тысячи, свитер – 900 рублей. Итого... Раньше на такие деньги можно было купить новый „Запорожец“ или подержанные „Жигули“, – отмечала пресса.

8 декабря 1991 года СМИ объявили о том, что главы трех республик – учредителей СССР, Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич, подписали Соглашение, в котором заявили о прекращении деятельности СССР и создании Содружества Независимых Государств. Большинство граждан восприняло эту новость с полным равнодушием, о чем свидетельствовали социологические опросы тех дней. Только некоторые были шокированы и встревожены, а другие, напротив, преисполнены оптимизма. «Знаете, я доволен, – заявил репортерам краевед В. Котов. – Какая-то определенность возникла, забрезжил наконец-то свет в конце тоннеля». «Я почти полсотни лет в партии, а ее расформировали, – сокрушался пенсионер К. Котельников. – Не пойму, что к чему. Что происходит?» «Грустно... Не пойму, потеряли мы или приобрели от всего этого, – констатировала анонимная учительница. – В какой же стране мы живем, кто бы сказал...» «Как жили, так и будем жить, – прагматично ответил токарь К. Соловьев. – На наше поколение, по крайней мере, лучшей жизни не хватит». «Сегодня мы стоим на развалинах чудовища, которое сами сотворили за 70 с лишним лет, и оторопь берет: что же наделали, как все раскурочили и оплевали! – писала журналистка Т. Санина. – Сегодняшний день не радует. Будущее не ясно. Но разве все так безнадежно? Разве не стали мы другими, если уже почувствовали, как освобождаемся от пещерного страха, если позволяем себе произносить вслух то, о чем раньше лишь перешептывались по кухням?» И действительно, стали! Ведь именно в декабре 91-го в упомянутой «Ленинской смене» к 50-летию битвы за Москву вместо традиционных рассказов о подвигах панфиловцев вышла статья «Разгром советских войск под Москвой». Даже Великая Отечественная война – одна из главных канонических страниц советской истории – отныне перестала быть святая святых.

Местные власти решили идти в ногу со временем. Они не только не протестовали против упразднения Союза, но и пытались воспользоваться ситуацией для упрочения собственных позиций. Так, 12 декабря Нижегородский горсовет народных депутатов предложил сделать Нижний Новгород фактически столицей нового СНГ! (Правда, само слово «столица» из-за неприятных ассоциаций с Советским Союзом тогда было не в моде, его заменило более обтекаемое словосочетание – «организационный центр».) «Поддерживая создание Содружества Независимых Государств, проявляя заинтересованность в сохранении мира и стабильности на всей территории бывшего Союза, желая внести вклад в создание благоприятных условий для возможного участия в Содружестве Независимых Государств и других бывших союзных республик, городской Совет народных депутатов решил: предложить Верховному Совету РСФСР рассмотреть возможность размещения организационного центра Содружества в Нижнем Новгороде», – говорилось в документе. Однако никакого «оргцентра» в итоге так и не создали, а посему идея нижегородцев оказалась невостребованной.

Стоит отметить, что массовая ностальгия по бывшему СССР возникла лишь в начале 2000-х годов, когда жизнь в стране более-менее наладилась и большая часть населения уже

не испытывала трудностей, связанных с покупкой еды и одежды. Наевшись и приодевшись, народ вдруг вспомнил, «как хорошо было в Советском Союзе». А вот в тот период, когда еще было что «спасать», судьба страны никого особо не волновала. Гораздо больше трудящиеся беспокоились, как бы достать водки и не лишиться при этом шапки.

Воцарение «камикадзе»

На фоне всех этих событий Борис Немцов наконец получил официальный статус, 30 ноября президент Ельцин подписал указ о назначении его на должность главы администрации Нижегородской области. «Горячо поздравляем нашего губернатора и его ближайшего помощника – Ивана Склярова, который стал вице-губернатором. Новоиспеченных отцов области в народе уже „окрестили“ камикадзе. Тем не менее – удачи вам!» – писала «Ленинская смена» 1 декабря. При этом у 32-летнего ставленника был полный президентский карт-бланш: бери в команду кого хочешь – и вперед, к светлому демократическому будущему! Чем Немцов и воспользовался. Одним из первых указов на новой должности он окончательно добил атомную котельную – ГАСТ, с борьбы против которой, собственно, и начинал свою общественную деятельность. Здание станции передавалось в областную собственность с целью перепрофилирования в газовую котельную. Впрочем, в данном случае Немцов, позднее многократно приписывавший «победу» лично себе, фактически пинал мертвую собаку. Еще в ноябре Министерство атомной энергетики СССР издало приказ о ликвидации дирекции строящейся ГАСТ и фактическом прекращении всех работ на объекте. В условиях экономической разрухи у ведомства попросту не было денег на достройку станции, а в рыночные времена бредовый проект ядерных котельных оказался не востребован. Не вспомнил про него даже апологет мирного атома Сергей Кириенко в бытность главой Росатома.

Кстати, народ тогда и впрямь ждал от Немцова чудес. Вскоре после его назначения появились слухи, что он собирается продать за границу атомную подлодку, строящуюся «на одном из волжских заводов» («Красное Сормово» еще не успели официально рассекретить), за 5 миллиардов долларов. «Это сообщение взбудоражило Нижний, – писал журналист Владимир Кочетков. – Еще бы: перспектива получения нескольких миллиардов в СКВ позволила бы превратить область в один отдельно взятый оазис посреди пустыни». В то время была идея обогатить страну продажей военной техники, которая потом получила воплощение в Нижегородской ярмарке. Однако новость оказалась «дезой», или, как сейчас говорят, «фейком». Во-первых, субмарина не являлась собственностью области, во-вторых, стоила гораздо дешевле. «Но не будем унывать, ведь в „одном из волжских городов“, помимо лодок, есть еще много чего», – успокаивал Кочетков.

Кстати, духом суверенизации в то время были охвачены многие регионы. Еще вчера считавшиеся лишь частями огромной и как бы дружной советской семьи, теперь каждая республика и область мнили себя автономными государствами. И хотели самостоятельно распоряжаться своими «богатствами». Вот Мордовия, например, десятки лет поставляла в соседние регионы лампочки для светофоров. Однако в 1991 году «суверенное» руководство республики и ее предприятия решили данный товар попридержать для других целей. Если раньше Горьковская область получала 90 тысяч лампочек ежегодно, то за этот год всего 16 тысяч. Как итог – к началу 1992 года из 350 светофоров в Нижнем Новгороде 50 вышли из строя полностью, еще столько же частично. То есть красный свет горел, а зеленый нет и наоборот! «Наступившую суверенность республик нижегородцам придется оценивать не только по пустым прилавкам, но и по резкому росту дорожно-транспортной аварийности, обусловленному отсутствием светофорного регулирования дорожного движения, – писала газета „Нижегородские новости“. – Сотрудникам ГАИ в поисках выхода из такого положения, пожалуй, придется за нарушение правил дорожного движения с пешеходов и водителей взимать электролампочки». В итоге вопрос поставки лампочек пришлось лично решать губернатору Немцову!

Вторым мероприятием Немцова стало назначение удобного ему мэра Нижнего Новгорода, фактически превратившееся в небольшой переворот местного масштаба.

Когда в начале декабря в недавно избранном Горсовете народных депутатов слышали фамилию Бедняков, почти у всех возник резонный вопрос: «А кто это?!» Лишь немногие слышали, что это некий бывший милиционер, полковник, преподаватель высшей школы МВД (готовившей специалистов зловещей для торгашей и спекулянтов ОБХСС), а в последнее время член какого-то экономического совета при Верховном Совете. Но с чего бы ему быть мэром?! В советские времена, чтобы дослужиться до председателя горисполкома или первого секретаря горкома, люди сначала проявляли себя на производстве или партийной работе, потом вкалывали в райсоветах и райкомах, затем немногие из них поднимались до замов – с надеждой при удачном стечении обстоятельств возглавить город. А тут вот так – раз, и вылез! Сам Дмитрий Иванович честно говорил журналистам, что лучше всего разбирается в технологиях реализации (и разбавления) бензина, изготовления сыра, знает, что такое базисная жирность молока, как списывают овощи и делают на этом миллионы. Все это он знал, потому что расследовал такие уголовные дела! Но эти ли качества требовались в то кризисное время главе администрации? Вряд ли. Зато Бедняков имел важный козырь: он был другом Немцова. С коим познакомился... в курилке здания Верховного Совета РСФСР! Закурили, разговорились и подружились.

12 декабря кандидатура Беднякова рассматривалась на заседании Горсовета. При этом из 199 народных избранников на заседание явились только 159, но для кворума этого оказалось достаточно. Немцов лично выступил с речью и настоятельно рекомендовал утвердить Дмитрия Ивановича.

Главным аргументом губернатора было «опасение за судьбу Нижнего». «Я не хотел бы просыпаться в холодном поту и со страхом думать, что у меня там с городом, – заявил Борис Ефимович. – Станет мэром Бедняков – при полном взаимопонимании можно будет изменить к лучшему жизнь города и области». И никто, кроме Беднякова, по его мнению, не мог обеспечить губернатору приятных сновидений. Однако на депутатский корпус все это не произвело никакого впечатления. «Мы вас не знаем! Кто вы такой вообще?» – доносилось из зала. В итоге за Беднякова отдали голоса всего 63 депутата, 93 высказались против, а трое воздержались. После этого сконфуженный Дмитрий Иванович покинул зал, а собравшиеся решили утвердить своего мэра – заместителя председателя горсовета Евгения Сабашникова.

40-летний депутат был из одного поколения с Бедняковым, более того, его коллегой по Высшей школе МВД СССР, где работал преподавателем общественных наук. В то время он входил в руководство Российского движения демократических реформ (Попова-Собчака), руководил его Нижегородским региональным отделением. В общем, типичный демократ первой волны. Правда, в отличие от Беднякова, он был избранным депутатом и политиком, успевшим завоевать у коллег авторитет и доверие. Это подтвердило голосование: ПО человек высказались за Сабашникова, 42 проголосовали против. В тот же день отправили телеграмму президенту Ельцину: «В связи с несогласованием Городским советом кандидатуры Д. И. Беднякова просим Вас назначить на пост главы администрации г. Нижнего Новгорода заместителя председателя Горсовета народных депутатов Евгения Викторовича Сабашникова».

Депутаты не учли, что у последнего был серьезный «недостаток»: он не являлся другом Немцова и не ходил с ним по одним курилкам. Именно это обстоятельство и не позволило Сабашникову стать первым постсоветским мэром Нижнего Новгорода. Скорее всего, Борис Ефимович, имевший прямой выход на Ельцина, позвонил тому еще до того, как горсовет оформил свою телеграмму, и представил произошедшее в выгодном для себя свете. Мол, депутаты утратили чувство реальности, устроили цирк, да и вообще все это очередной заговор против демократии! «Мне кажется, у депутатов случилось некое затмение: большинство из них просто заиклилось на своем уязвленном самолюбии, – прокомментировал отклонение своей кандидатуры сам Бедняков. – Сейчас все заражены духом суверенизации, каждый

мнит себя верхом совершенства... Кроме того, депутаты не понимают простой вещи: три месяца назад ситуация была одна, а теперь она совершенно другая. Тогда еще существовала возможность выборов главы городской администрации, сегодня речь может идти только о назначении». В итоге так оно и вышло. 26 декабря Бедняков попросту издал постановление о вступлении в должность самого себя! И у него имелись на то все основания. Дело в том, что за два дня до этого президент, вероятно под влиянием Немцова, подписал указ о назначении глав администраций в областных центрах РСФСР, в том числе в Нижнем Новгороде. В результате оппозиция в лице Горсовета была полностью разгромлена. Бедняков стал преемником его исполкома, почти все работники получили уведомления о «высвобождении» с 3 января 1992 года.

Собственно, примерно в таком духе Немцов, не по профессиональным признакам, а в силу личных симпатий и лояльности, подбирал всю свою команду. Неофициальным советником молодого губернатора по экономике и политическим вопросам стал скандально известный бизнесмен Андрей Климентьев. Как утверждает последний, с Немцовым они познакомились летом 1989 года в «Ждановце» – загородном лагере отдыха Горьковского политехнического института, расположенном на восточном берегу Горьковского водохранилища. «И я и Немцов поехали туда девок кадрить, так вот и познакомились, – вспоминает Андрей Анатольевич. – А потом сдружились на почве антикоммунизма. Немцов ненавидел советский строй, и я ненавидел советский строй. А с женским полом у него проблемы были с детства, он всегда переживал, что девушкам не нравится. Со мной советовался по этой теме».

Андрей Климентьев был на пять лет старше Немцова, он вырос в Горьком в семье партийно-хозяйственного функционера, занимавшегося снабжением колхозов и совхозов области сельскохозяйственной техникой. После окончания школы он поступил на Автомобильный факультет Горьковского политехнического института, но на пятом курсе бросил учебу. Про таких, как Климентьев, в те годы говорили – «золотая молодежь». Дети больших начальников, с юных лет не знавшие трудностей и материальных проблем, жившие красивой жизнью. И если в Москве к тому времени такой молодежи стало уже довольно много, то в провинции юноши, разъезжавшие по центру города на собственной «Волге» и снимавшие девок, а потом устраивавшие шумные гулянки в ресторанах и игравшие в азартные игры, во время которых проигрывались десятки тысяч рублей, быстро привлекли внимание партийных органов. После того как в 1982 году трагически погиб Климентьев-старший (утонул в машине во время поездки в область), все трое его сыновей были арестованы и показательно осуждены. В тот период, когда советская мораль быстро разлагалась, власть реагировала на эти факты особенно остро. Андрей был обвинен в распространении порнографии (якобы устроил коллективный просмотр фильма «Эммануэль») и «попытке мошенничества в особо крупных размерах» (играл в покер) и приговорен к восьми годам тюрьмы. Именно эти липовые «преступления» позднее позволили утверждать, что «криминал рвется во власть».

Вышел из тюрьмы Климентьев в 1989 году и оказался в совсем другой стране, где порножурналы продавались на «толчках» вместе с сувенирными машинками, а певец Вячеслав Добрынин уже сочинял свою песню «Казино». Андрей Анатольевич конечно же не стал отставать от времени и тотчас организовал собственный бизнес. Ну а когда Немцов стал губернатором, он, как старший товарищ и знаток рыночной экономики, был его неофициальным советником, который оказывал большое влияние на многие принимаемые решения. Бизнесмен, не занимавший никаких официальных постов в администрации, ходил в здание бывшего обкома, как к себе на работу. «Немцов самостоятельно не мог принять ни одно решение, – утверждает Климентьев. – Все тогда решалось коллегиально, либо у Немцова на даче, либо прямо в его кабинете. Сели, обсудили и решили. Многие решения принимал я лично, а потом они оформлялись постановлениями губернатора. Я был в курсе всех тем и вопросов». Конечно же не стоит думать, что областью в первые годы правил Климентьев.

У Немцова сформировался некий ближний круг, «семья». Периодически в нее вливались новые люди, а старые, наоборот, впадали в опалу. В поддержке «семьи» Борис Ефимович очень нуждался. Не только в силу молодого возраста и неопытности, но и определенных психологических особенностей, подробнее о которых будет рассказано ниже.

Ничего удивительного во всем этом не было. В периоды распада государства и кризисов у власти всегда оказывались случайные люди и авантюристы, которых волна перемен как бы сама забрасывала на борт тонущей страны. Во время Смуты были Лжедмитрий II, Семибоярщина и Василий Шуйский, в эпоху дворцовых переворотов – Меншиков, Остерман и К^о, в 1917 году – Керенский, в 1953-м – Лаврентий Берия. Не был исключением и период распада СССР. Так или иначе Немцов возглавил область в самый сложный период, предстояли глубокий экономический и промышленный спад, «шоковая терапия», «криминальный беспредел», окончательное крушение прежних ценностей и т. д. Страна вступала в новую эпоху.

Глава 4

Немцовская губерния

«Плюс спекулятизация всей страны»

В январе 1992 года советские граждане, только что превратившиеся в россиян, впервые после долгих лет советской власти узнали, что такое рыночная экономика. Если выразиться точнее – рыночные цены. Люди, привыкшие к тому, что стоимость большинства товаров от копеечного коробка спичек до пятнадцатитысячной «Волги» не меняется годами. Поэтому «новогодний сюрприз» от правительства Гайдара многим показался кошмарным сном. К примеру, возле рожка из белой муки, долгие годы стоившего пять копеек, появился устрашающий ценник – 90 копеек. Сметана, долгие годы продававшаяся по 37 копеек, «взлетела» сразу до 60 рублей! В среднем же цены в магазинах выросли в 20–30 раз. Либерализация цен являлась первым пунктом программы неотложных экономических реформ, одобренной Съездом народных депутатов РСФСР в октябре 1991 года. За нее тогда проголосовало 878 народных избранников из 894. Об этом, кстати, забывают многие критики последующих реформ, приписывая ответственность за них исключительно «не легшему на рельсы» президенту Борису Ельцину и премьер-министру Егору Гайдару.

Со 2 января 1992 года 90% розничных и 80% оптовых цен были освобождены от государственного регулирования. При этом контроль за уровнем цен на ряд социально значимых товаров и услуг (хлеб, молоко, общественный транспорт, услуги ЖКХ) был временно оставлен за государством. Наценки на такие товары были лимитированы. Помимо либерализации цен, в это же время начались и другие реформы, в частности либерализация зарплат, введение свободы розничной торговли и др.

Впрочем, в первое время покупатели не заметили в магазинах обещанного изобилия. В связи с чем у части народа даже возникла паника, мол, цены вырастут, а дефицит останется! Словом, было плохо, а будет еще хуже. Голод грядет! «После второго января нас ждет совсем другая жизнь. Так в один голос говорили политики, экономисты, бизнесмены, мол, отпустим цены на свободу и в магазины будем ходить как в музей, где будет недоступное большинству изобилие, поэтому исчезнут очереди, – писал журналист О. Васильев. – Стены, завешанные лоснящимися от жира копчеными колбасами, витрины, ломящиеся от разнообразия сыров, прилавки, заваленные рыбными тушками всевозможных размеров и форм, в общем – молочные реки и кисельные берега рисовало голодное воображение... Увы, экскурсия по нижегородским магазинам разочаровала. Очередей действительно не стало, но совсем по другой причине. Прилавки и витрины поразили девственной пустотой... В торговых залах царил запустение. Правда, ценники заменили на новые, по крайней мере, стоимость товара, который ожидается продать за тем или иным прилавком, узнать можно. Как написал бы Михаил Жванецкий времен свободных цен: вчера не было по три рубля, а сегодня по пять».

«Поэтому трудно удержаться от вывода, что нынешняя „либерализация“ сродни павловскому апрельскому повышению цен, – пессимистически констатировал журналист Михаил Левин в статье „Плюс спекулятизация всей страны“. – Даже по своей методе они схожи, ибо страдают опять-таки простые потребители, т. е. мы с вами... Из ничего ничего не появится. Безудержная государственная гонка цен никогда не заменит конкуренции – а конкурировать сейчас некому и не с кем. А если что и маячит впереди, то это гиперинфляция и (давайте скажем честно) товарный голод».

А в некоторых магазинах даже как бы по инерции продолжалась торговля по талонам. Дело в том, что рыночные цены с Нового года ввели, однако как такового приказа об отмене карточек никто не издавал. Соответственно, на местах власти поступали по своему усмотрению. Благо все магазины пока оставались государственными, их заведующие подчинялись пищеторгам, а те горисполкомам. «А вот официальный список товаров, которые мы можем приобрести в январе по талонам: крупа из наличия – 500 г, макаронные изделия – 325 г, маргарин – 250 г, винно-водочные изделия, коньяк, шампанское – 2 бутылки, соль нулевого помола – 1 кг на квартал, синтетические моющие средства (включая пастообразные) – 500 г на квартал, мыло хозяйственное – 1 кусок на квартал, мыло туалетное – 500 г на квартал, – сообщали СМИ 4 января. – Срок действия талонов на сахар за ноябрь 1991 г. продлен до 1 февраля».

В этих условиях 9 января 1992 года в Нижний Новгород прибыл президент Борис Ельцин. Целью его поездки по городам Поволжья было на месте оценить ход реформ и поддерживать население в эпоху трудных испытаний. Визит был полон сюрпризов и импровизаций. Так, еще утром президент уклонился от намеченного маршрута и неожиданно появился в гастрономе на площади Горького (впоследствии получил известность как «климентьевский» магазин «Европа»). Там он с изумлением увидел на прилавке масло крестьянское по 207 рублей за килограмм. Губернатор Немцов, сопровождавший главу государства, впоследствии вспоминал:

«Прилетев, Ельцин высказал пожелание: „Хочу в гастроном“. – Я: „Пожалуйста. Прямо сейчас?“ – „Да, и в какой – выберу сам“. У него, чтобы ты знал, такая фишка была: мол, вы мне тут специально потемкинскую деревню устраиваете, а я не позволю пускать пыль в глаза... Едем, короче, по Нижнему, и вдруг около одного из гастрономов он скомандовал остановиться – ткнул пальцем: „Вот этот“. Заходим, а там бабушки – набросились на него, естественно, с кулаками...

– ...и палками...

– ...„Что ты, – кричат, – натворил?!“ Ельцин подошел к прилавку, увидел там напуганных продавцов, для которых появление президента было полнейшей неожиданностью».

Борис Николаевич тут же обратился к Немцову с вопросом: «А кто торгует маслом по таким ценам?» Заместитель губернатора Иван Скляров тут же сообщил, что «спекулянт» являлось объединение «Горькиймолокопром» и его дочернее предприятие «Молокоторг». Тогда Ельцин потребовал в суточный срок ликвидировать указанную контору, а цены опустить. Немцов выполнил указание главы государства в тот же вечер! Вот как быстро и легко решались вопросы на заре капитализма. Попутно в очереди за молоком президент встретил бывшего народного депутата СССР ректора Нижегородского университета Александра Хохлова. Тот, пользуясь случаем, пожаловался главе государства на социальную незащищенность людей и низкие зарплаты. Ельцин пообещал разобраться. После чего кортеж тронулся дальше.

Еще прошлым вечером было сообщено, что президент посетит универсам «Нижегородский». Последний был одним из первых подобных магазинов в СССР, строившийся по итальянскому проекту в рамках реформы советской торговли. А в 80-х годах стал местным символом дефицита с гигантскими очередями, петлявшими вокруг полупустых прилавков, «хвост» которых нередко выходил на улицу. К указанной торговой точке еще с раннего утра стали подтягиваться жители и журналисты, желавшие лично пообщаться с Ельциным. «В день визита президента на работы вышли продавцы и кассиры, которые в этот день по графику могли отдыхать. Продавцов много, торговля шла бойко, молоко распродавали почти

без очередей. По залу сновали телевизионщики и газетные репортеры, журналист Би-би-си Тим Хьюэлл брал свои первые интервью, – писали „Нижегородские новости“. – Наступило время напряженного ожидания. Несколько раз кто-то истошно вопил с крыльца: „Едет!“, но в очередной раз ошибался. Вдруг в толпе, стоящей на крыльце, делают коридор. По бокам – оцепление милиции. Испуганная бабушка с авоськой шарахается в сторону и к ближайшему милиционеру: „Милочка, а в магазин-то можно зайти?“ – „Давай, бабка, быстрее!“».

Вскоре со стороны еще не переименованной в Варварскую улицы Фигнер появился кортеж. Президентский ЗИЛ-41047 с российским флагом чуть притормозил, а потом вдруг резко рванул вперед. Оказалось, что Ельцин, увидев ожидавшую его толпу, не захотел участвовать в спланированном представлении и приказал сопровождавшим его лицам ехать на другую торговую точку, где его не ждали. В итоге через пять минут его лимузин внезапно затормозил у входа на Мытный рынок, расположенный посреди старого квартала неподалеку от кремля и резиденции Немцова. Минув изумленных посетителей, Борис Николаевич решительной походкой отправился напрямик к торговым рядам. Осмотрев небогатый, но дорогостоящий ассортимент продуктов, президент приобрел за 10 рублей яблоко крупного размера. Кстати, после отъезда главы государства какой-то человек с кавказской внешностью тут же купил президентский червонец за 100 рублей в качестве сувенира со словами: «Его сам президент в руках держал, панимаешь!»

Не обошлось и без «челобитных царю». Плачущая пожилая женщина сумела проскользнуть мимо охраны, возглавляемой известным Александром Коржаковым, и подсунуть Ельцину какое-то письмо. На выходе с рынка президент изрядно зачерпнул ботинком воды из грязной лужи, после чего отправился, на сей раз по плану, на Горьковский автозавод. Пресса так описывала происходящее: «Короткое выступление перед людьми у главной проходной. Далее – сборочный цех № 3 производства грузовых автомобилей. Лавирование среди не останавливающихся конвейерных лент, выступление с приступочки – и дальше. Короткая остановка под одним из „застойных“ экономических лозунгов и реплика президента: „Вы бы лучше повесили другой лозунг – „Добьемся средней заработной платы 1258 рублей“». Побеседовав с руководством завода и конструкторами, жаловавшимися на трудное финансовое положение, Ельцин разрешил им продать за рубеж 300 бронетранспортеров, минуя Министерство обороны. Губернатор Немцов, которому президент безоговорочно доверял, получил по итогам визита широкие полномочия и карт-бланш на проведение радикальных реформ, включая скорейшую приватизацию и прямые закупки товаров из-за границы. Кроме того, региону выделили 500 миллионов в качестве финансовой помощи.

Буржуазного джинна выпустили из бутылки, оставалось только подождать. Вскоре нашлись предприимчивые граждане, быстро наладившие перепродажу товаров нерасторопных производителей и поставки из-за рубежа. Уже к весне обещанное правительством изобилие начало обретать реальные черты. Дефицит как явление природы навсегда канул в прошлое. Впрочем, январский шок 1992 года был только началом нелегких испытаний и приключений. Впереди еще были гиперинфляция, обесценивание вкладов на сберкнижках, задержки зарплат и пенсий, разгул криминала...

«Учили сексу, а обернулось разбоем»

«Учили сексу, – писал в газету разгневанный рабочий. – Я давно писал, что это приведет к хаосу. А обернулось еще худшим – разбоем, насилием. Люди стали недовольны друг другом. Люди перестали улыбаться, не хотят видеть соседку в автобусе, на улице и т. д.» К весне 1992 года народ постепенно стал понимать, что ликвидация СССР, появление рыночной экономики и возрождение капитализма отнюдь не привели к улучшению жизни. Наоборот, те, кто в последние пять лет советской власти обеднел, стали беднеть еще быстрее. Рушились тщательно выстроенные карьеры, планы и мечты. Рушились остатки привычной реальности. Хорошо помню печальную ситуацию, в которую попал один из моих одноклассников Алексей Р. Его отец всю жизнь мечтал о машине и копил на нее деньги. Семья Р. жила скромно, фактически в подвале дореволюционного дома, так что, сидя на диване, можно было видеть сапоги идущих по тротуару прохожих. Детей не баловали, себе во всем отказывали. Бабушки и дедушки, как водится, тоже жарили покупные пельмени только на маргарине, а все героически сэкономленное клали в Сбербанк. При этом машину семья Р. хотела не простую, вроде «ИЖ-Комби» или «жигулей», а «Волгу» ГАЗ-24-10. Таковые продавались населению, но в небольших количествах и только не черного, как у начальников, цвета. Конечно, по качеству это была уже не та «двадцать четверка», что блистала в 70-х годах, но благодаря отсутствию доступа к иномаркам по-прежнему ценилась высоко. «Семья у нас большая, на дачу надо ездить, поэтому места надо много» – так объяснял намерения отца сам Алексей. В итоге после многолетнего томительного ожидания в очереди и бесконечных снов о том, как они будут на зависть всем разъезжать на «Волге», в конце 1991 года семья Р. наконец накопила на сберкнижке нужную сумму (что-то около 15 тысяч рублей). Да и очередь (в которую, разумеется, попали не без блата, а с помощью бабушки – ветерана МВД) как раз подошла!

Однако в последний момент произошли какие-то проволочки (то машин на складе нет, то документы не успели оформить). В итоге начался 1992 год, очереди были отменены, а «Волги», о которых мечтало не одно поколение советских людей, наконец поступили в свободную продажу. Правда, уже по рыночным ценам! Которые сразу взлетели чуть ли не до 300, а к лету уже до 900 тысяч рублей! Так что мечта семьи Р. о машине, как и тысяч других «очередников», рассеялась, как утренний туман. А вот те, кто еще успел урвать «Волгу» или «жигули» по госцене, теперь могли сказочно озолотиться, продав их чуть ли не в 20 раз дороже.

Тем временем в стране наконец началась обещанная приватизация. Первым шагом стала продажа наиболее убыточных продуктовых магазинов в частные руки. Правда, данная мера дала неожиданный эффект. Вместо того чтобы расширять ассортимент продуктов, новоявленные коммерсанты стали превращать вчерашние булочные и продмаги в маленькие универсамы. То есть рядом с колбасой и сахаром расставляли шампуни, косметику, магнитофоны и развешивали модные в то время джинсы-варенки. Кроме всего прочего, выяснилось, что советская система, когда торговые точки равномерно распределялись по микрорайонам без учета реального спроса, уже не отвечала потребностям рынка. Ну а поскольку у бизнесменов еще не было средств на постройку новых капитальных магазинов, был найден простой и дешевый выход – коммерческие киоски. В простонародье «комки». Уличная торговля была официально разрешена указом президента Ельцина.

Одна за другой на центральных улицах и площадях, возле вокзалов и рынков, на автобусных остановках и просто свободных местах стали появляться разнотипные деревянные и металлические будки, торгующие самым разнообразным товаром. Культура торговли, за которую десятилетиями билась советская власть, была сметена одним ударом. В Нижнем

Новгороде первые «комки» появились в начале 1992 года на Московском вокзале, затем, вопреки протестам части общественности, их начали ставить во всех районах. И действительно, к чему все эти советские универсамы, универмаги, гастрономы, галантереи и т. п. Нашел подходящее проходное место, поставил киоск и торгуй себе. Плохо пошла колбаса, не беда, завтра перейдем на джинсы. Джинса не пошла – водку выставим! Вот он, настоящий рынок!

Стоит отметить, что, несмотря на введение свободных цен, губернатор Немцов все же решил на какое-то время сохранить и «советские пережитки», то есть талоны. В частности, область централизованно закупала сахар и по-прежнему распределяла его по карточкам. У граждан был выбор – стоять по старинке в очередях за жизненно необходимым товаром по госцене либо свободно покупать его в других магазинах, но вдвое дороже. При этом «твердая» цена устанавливалась непосредственно областной администрацией. «Если отменить талоны, цены сразу будут взвинчены, и это не обойдется без серьезных последствий, – так комментировали необходимость сохранения талонов чиновники. – Поэтому о полном отказе от талонов говорить пока рано».

Еще одной давно забытой приметой времени стала мойка автомашин. В смысле не камера с рабочими, шлангами, а толпа детей, моющих автомобили на улице. Советская власть много лет боролась против детского неквалифицированного труда. Еще в 30-40-х годах на улицах можно было встретить детишек, занимавшихся чисткой обуви, акробатикой, пением и другими «пионерскими калымами». В основном это были беспризорники, детдомовские и подростки из малообеспеченных семей. В эпоху «развитого социализма» это некрасивое явление вроде бы извели. А газеты постоянно писали о том, как американские школьники вместо учебы вынуждены подрабатывать... И вот детский уличный труд снова вернулся в нашу жизнь. «Пацан остался явно недоволен, – рассказывал один из клиентов детской автомойки на улице Родионова. – Мне даже показалось, что он выругался. А то... Какой-то червонец за машину. „Двадцатка“ еще куда ни шло, но червонец! Впрочем, слишком долго переживать было некогда, потому что на моечный пятачок уже заворачивала очередная машина. Словно мошкара, мальчишки облепили жигуль и бежали рядом, пока тот не остановился.

– Петька, наша! – заорал один и призывно замахал руками своему напарнику. Как говорится, кто успел – тот и съел».

Утром, уже начиная с 7:00, на эту площадку (рядом была колонка с водой и большая магистраль – стратегическое место!) стекалась толпа подростков, в среднем 12–13 лет. Хотя встречались на мойке даже семилетние школьники! Как правило, это младшие братья помогали старшим в нелегком труде. Ведь на помывку автомобиля вручную уходило порой от 30 до 50 минут. На этом стихийно возникшем рынке тотчас возникли свои особенности. Если обычные водители, владельцы «жигулей» и «москвичей» платили максимум 20–25 рублей, то владельцы иномарок и водители-«южане» могли выложить и столярник. Поймать такого клиента считалось у детворы большой удачей. Общество разделилось во мнении об этом новом явлении. Одни считали, что дети молодцы, родителям помогают, себе на мороженое (ну или на пиво с куревом) зарабатывают. Другие, напротив, тяжело вздыхали при виде подростков с ведрами. Докатились, мол. Вот он – звериный оскал капитализма! А еще над Америкой смеялись...

У бывшей советской, а теперь российской молодежи в этот период вообще происходила, так сказать, смена приоритетов. Конечно же это явление возникло не «вчера» и не после распада СССР. О тревожных тенденциях, когда комсомольцы променивали Павку Корчагина на джинсу и порнуху, а комсомольские песни на тяжелый рок и шансон, писали уже при генсеке Черненко, а потом и в годы перестройки. Уже тогда ношение пионерских галстуков и комсомольских значков у многих превратилось в простую формальность и традицию,

когда по утрам рассказывали с серьезным лицом на уроках про подвиги вождей «комсы», а по вечерам курили в кустах и пили пиво. Ну а теперь, когда старую идеологию признали утратившей силу, молодежь стала открыто приобщаться к «западным ценностям». В самом простом их понимании.

«Все мои друзья развлекаются, кто как может, – писала в молодежную газету „Ленинская смена“ 18-летняя Наташа. – Секс, выпивка, таблетки, наркотики. И я не хочу от них отставать – в жизни надо попробовать все. У меня есть постоянный парень, но я знаю девчонок, которые ходят по рукам – и без претензий. Из наркотиков сейчас чаще всего курят шмаль (травка, обычно конопля). Дешево (70 рублей спичечный коробок) и легко достать. Если „залечу“, то сделаю аборт. Сейчас даже такого понятия „просто гулять“ нет. Ни один парень не будет „без этого“. «Я стараюсь быть как все: пью, курю, – признавалась 15-летняя Ира. – Но все меня хамят из-за плохой одежды. В школе училась плохо, меня тошнило от уроков. Если я никуда не устроюсь, то пойду в проститутки. Парня у меня нет». Правда, были и те, кто не соглашался с указанными девицами. «Мне трудно понять 15-16-летних девушек, которые объясняют близость со своим парнем тем, что они до смерти любят друг друга, – писала в газету 16-летняя Тамара. – Ведь если молодой человек действительно любит, то он и относится к своей девушке бережно и внимательно. Я знаю, что таких юношей меньше, чем тех, которым от нас нужен только секс. Но ведь они есть!» И действительно, говорить о том, что в то время «моральное разложение» шло повсеместно и касалось всей молодежи, нельзя. Автор сам вырос в среде, где до 16 лет толком не знали, что такое секс, а даже когда узнали, не помышляли о том, чтобы им вот прямо сейчас заняться.

Ну а пока подростки рассуждали о том, надо ли идти учиться в вузы или лучше пойти более «современным» путем – в бандиты и проститутки, взрослых больше волновало, как свести концы с концами. В самом тяжелом положении оказались бюджетники, привыкшие всю жизнь находиться на иждивении государства и всецело доверять ему свою судьбу. Зарплаты своевременно не индексировались, да еще и задерживались. В мае 1992 года волнения охватили учительскую среду. Труд педагогов и в СССР оплачивался весьма скромно, а в новой России их и вовсе бросили на произвол судьбы. И тут всю страну потрясла новость о готовящейся всероссийской забастовке учителей. Не являлась исключением и Немцовская губерния. «Уже и средства массовой информации известили о намеченной на 22 мая забастовке, – писала „Ленинская смена“. – Что же, Нижний поддержит коллег? Решение нижегородского учительства – из уст председателя координационного комитета по защите социально-экономических прав педагогических работников Константина Кожевникова:

– Решение о предстоящей забастовке мы находим неудачным, неэтичным и безрезультатным. У школьников переходные и выпускные экзамены. Воспользоваться этой ситуацией для решения своих проблем? В конце концов выход все равно найдут, и экзамены примут учителя, отказавшиеся от участия в забастовке. Следующий наш аргумент – зачем лишний раз поднимать людей, лишний раз их разочаровывать?»

Забастовка учителей в Нижегородской области действительно не состоялась. Одной угрозы оказалось достаточно, чтобы Немцов и Бедняков решили вопрос об увеличении платы за классное руководство, проверку тетрадей и кабинет сразу в три раза. Некоторые районы области обещали педагогам компенсацию за питание. Также возникла идея создать с помощью «коммерческих структур» города некий Фонд образования. Вроде как биржи и новоявленные коммерсанты будут скидываться, кто сколько сможет, а полученные средства пойдут на финансирование отдельных школ и «творчески работающих учителей». Эдакое капиталистическое стимулирование лучших педагогов. Одним словом, проблему удалось кое-как решить в духе времени, немного увеличив зарплату и раздав обещания.

Пассажиры-оборотни и «автобусно-полевые суды» Немцова

Одной из первых серьезных проблем, с которой столкнулся губернатор Немцов, был начавшийся упадок общественного транспорта. Город Горький всегда был очень сложным в плане обеспечения пассажирских перевозок.

Растянувшийся по двум берегам Оки и разделенный ею на две отдельные части, он, помимо всего прочего, был «разрезан» еще и железной дорогой, а также многочисленными речушками, оврагами, что к тому же усугублялось большим перепадом высот и большой удаленностью центральной исторической части от густонаселенных окраин. Поэтому ни многочисленные трамваи, ни троллейбусы долгие годы не могли обеспечить перевозки, основную тяжесть традиционно брали на себя автобусы.

Временем наибольшего расцвета автобусных перевозок в Горьком стал конец 80-х годов. К этому времени общая протяженность линий в городе достигла 500 километров. Ежедневно на них выходило около 850 автобусов, в том числе 330 из 1-го автобусного парка (ГПАП-1), который всегда являлся своего рода флагманом общественного транспорта. За сутки автобусы выполняли в среднем 4600 рейсов и перевозили по 400 тысяч пассажиров. При этом количество маршрутов к 1990 году достигло восьмидесяти восьми. Для сравнения: в том же 1990 году в Горьком насчитывалось всего 20 троллейбусных, 19 трамвайных маршрутов и 22 маршрутных такси. Кстати, в 80-х годах ГПАП-1 был одним из лучших в стране. Достаточно сказать, что именно этому предприятию доверяли транспортное обслуживание таких мероприятий, как Фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1985 году и Игры доброй воли 1986 года.

Однако столь высокая интенсивность перевозок приводила к быстрому износу подвижного состава, который требовалось постоянно обновлять. Основные магистральные и экспрессные линии обслуживались венгерскими «икарусами», в том числе большой вместимости, которые с конца 50-х годов поставлялись из дружественной Венгрии. Это были надежные и вместительные машины, которые, правда, не имели отопления салона. В холода людям, которые набивались в «икарусы», как сельди в бочку, приходилось буквально греться друг о друга. Из-за этого автобусы данной марки порой звали «скотовозами». В начале 90-х годов из-за экономического кризиса и распада СССР ситуация с транспортом стала стремительно ухудшаться. Закупки новой техники постепенно сокращались, административный контроль за работой предприятий ослаб, а водители, в свою очередь, выживали как могли. В моду вошли и всевозможные хулиганства, автобусы (даже не переполненные) постоянно проезжали остановки, высаживали пассажиров не доезжая их или же, наоборот, проехав метров на пятьдесят дальше и т. д. Многие калымили, причем совершенно нагло. Например, было в Нижнем Новгороде два почти одинаковых маршрута: 40С и 60Э. Только у второго остановок было поменьше, зато проезд стоил вдвое дороже. Экспресс же! По городу с ветерком. Так вот большинство водителей с 40-го попросту ставили трафарет с номером 60 и ехали «экспрессом». В итоге маршрут тот же, билетов продано столько же, а выручка вдвое больше! Половина, соответственно, себе в карман. Ну а водители-лентяи порой просто снимали маршрутоуказатели и гнали от конечной до конечной порожняком.

Кроме того, в целях извлечь дополнительный заработок, шоферы экспрессов придумали еще одну дополнительную услугу – остановка по требованию за 10 рублей. «Как выяснилось, это была чистой воды самодеятельность водителей, незаконно клавших эти деньги в собственные карманы, – сообщали СМИ, когда афера была наконец раскрыта. – Ответственные за это лица получили суровую взбучку и клятвенно заверили, что подобное больше не повторится». Придумали свой «калым» и водители междугородних автобусов. Дело в том,

что согласно действовавшим правилам на внутриобластных рейсах следовало перевозить пассажиров только сидя. Однако многие водители соглашались посадить людей и стоя, но при условии, что билет они не получают. Мол, в случае чего я не виноват. А всю выручку за «лишних» тоже клали в карман. В итоге областной администрации пришлось издать специальное распоряжение о том, что возить стоячих все-таки можно, но только с их согласия. И билет им тоже полагается. А для проверки в область пришлось отправить «летучие» отряды контролеров.

«Пришла весна, а транспорт у нас по-прежнему работает в „зимнем“ режиме – все хуже и хуже, – писала пресса. – Обещанные губернатором области „уже весной“ двести „икарусов“ до сих пор не маячат даже на горизонте».

Ко всему прочему еще и водители автобусов в апреле заявили о подготовке к забастовке. А это, пожалуй, было даже хуже, чем аналогичная акция учителей. Личного автотранспорта у народа тогда было совсем мало, а троллейбусы и трамваи попросту не могли перевезти даже половину пассажиров. Практически полный коллапс! Главным требованием шоферов было, разумеется, повышение зарплаты. Причем сразу вдвое. И это притом, что те в общем-то и так не бедствовали и, к тому же, всегда имели возможность подкалывать. То билеты «левые» продадут, то топливо сольют. Тем не менее средняя зарплата в 2631 рубль (даже недавно увеличенная зарплата врачей оказалась в полтора раза меньше) водителям автобусов казалась ничтожно маленькой.

Немцов и председатель областного Совета Евгений Крестьянинов и тут пошли на уступки, выполнив требования шоферов почти полностью. С 1 мая они начали получать уже 5 тысяч рублей. Однако тем и этого показалось мало, и они потребовали повысить зарплату еще раз! Причем в одном из парков просили сразу 8 тысяч, а в другом и вовсе 12. В противном случае товарищи снова грозили забастовкой. Но на этот раз Немцов на шантаж не поддавался, заявив, что деньги нужны не только водителям. В итоге намеченная на 12 мая предупредительная забастовка все-таки не состоялась, так как в водительской среде, поначалу настроенной единодушно, начался раскол. Большинство решило, что готово работать пока и за пять «штук».

Решив проблему с зарплатами и забастовками, Немцов активно взялся за пополнение автобусного парка. Первым серьезным мероприятием в этом направлении была организация сборки автобусов ЛиАЗ-677М на Борском авторемонтном заводе. Это позволило уже летом 1992 года стабилизировать положение в 3, 4 и 5-м автобусных парках (всего их в полуторамиллионном городе насчитывалось шесть). Однако флагман – 1-й автопарк – стремительно сдавал свои позиции. В итоге Немцов договорился о поставке 41 «икаруса» из Венгрии. Первые 15 машин прибыли в Нижний Новгород в начале сентября и были распределены по самым востребованным маршрутам. Кроме того, автобусные парки получили большую партию запчастей, что позволило отремонтировать и ввести в строй сразу сотню ранее вышедших из строя «икарусов».

Пополнение автобусного парка совпало с еще одним немцовским нововведением. Дело в том, что в конце лета губернатору пришла в голову очередная авантюрная идея. Он решил первым в стране внедрить в общественном транспорте безналичную систему оплаты проезда. Конечно, никаких электронных проездных тогда и в помине не было. Суть нововведения состояла во внедрении так называемых проездных карточек. На один, пять дней или на месяц. Купив, скажем, карточку на все виды транспорта на сутки, можно было ездить по ней с неограниченным количеством пересадок. Возможность оплатить проезд наличными в автобусе или трамвае сохранялась, но цена такого билета была в полтора раза выше, чем безлимитной карточки. Тем самым Немцов пытался изжить извечную проблему воровства части выручки водителями. Попутно по приказу губернатора были введены поистине draconические меры для безбилетников. Таковые ежегодно «надували» транспортные предприя-

тия на сотни тысяч рублей. С «зайцами» боролись начиная с 60-х годов, их ловили и контролеры, и комсомольские дружины, и милиционеры, но проблема все равно не решалась. Кто-то просто катался бесплатно, другие бросали в кассы самообслуживания меньше положенного и отрывали билетки. В общем, до Немцова общественный транспорт обворовывали все, кому не лень! И водители, и пассажиры.

«Как известно, с началом осени вступили в действие билетные карточки, дающие право проезда в автобусах на один день, пять дней, один месяц, – рассказывала статья „Жить стало лучше и веселей!“. – Однако однодневные карточки были расхвачены пассажирами с самого утра. И те, кто не успел их приобрести, вынуждены были покупать билеты по 3 рубля, что гораздо накладнее, чем покупать карточки. Пикантности ситуации прибавлял тот факт, что для „зайцев“ действительно наступили плохие времена: в контролерах нынче работают не бабушки пенсионного возраста, как было раньше, а сотрудники милиции и прочие крепкие парни. Тех же безбилетников, кто отказывается на месте выложить 30 рублей штрафа, контролеры имеют полное право доставить в парк и взыскать с них в законном порядке уже 2 тысячи». А по тем временам это было практически ползарплаты, а то и больше! В первые недели действительно возникали определенные перебои с продажей проездных карточек, но потом процесс удалось отладить.

Косвенно помогали Немцову и самостийные «народные контролеры». Все-таки «лихие девяностые» на дворе! Ужесточение контроля за безбилетниками породило новый вид криминального бизнеса – лжеконтролеров. Крепкие парни попросту выходили на конечные остановки, нацепляли красные повязки, как у дежурных учеников в школе, и поджидали троллейбус или автобус. Когда тот подъезжал, каждый член «бригады» брал на себя одну из дверей и задерживал безбилетников. Потом с испуганных граждан требовали немедленно оплатить штраф. Если денег при себе не было или пассажиры отказывались платить, то в лучшем случае им угрожали, а потом все-таки отпускали с миром. А в худшем могли отобрать «в залог» часы или другую ценную вещь. Мол, найдешь деньги – приходи. Причем происходили такие сцены не только на рабочих окраинах, но и прямо в центре города, в двух шагах от областной администрации! Там долгое время орудовала банда во главе с Андрюшей-контролером. И никому, как правило, не приходило в голову пожаловаться в милицию или в парк, ведь человеку нужно было и дальше на этом троллейбусе ездить, мало ли чего. Такое было время.

Если безбилетнику удавалось выйти из схватки с «контролерами» без потерь, понятно, что желание еще раз прокатиться «зайцем» у него заметно убавлялось. Водители, разумеется, тоже нередко были в доле. К примеру, лжеконтролеры во время проверки в маршрутных такси (тогда они тоже были государственными) собирали у испуганных пассажиров все билеты, а потом возвращали шоферу, который продавал их по второму разу. Но выработавшаяся десятилетиями привычка у части народа ездить на транспорте бесплатно все же искоренялась медленно и не сразу. Порой охота на «зайцев» приводила к целым дракам и побоищам.

Доходило до того, что вполне приличные на вид дамы и мужики с остервенением бросались на контролеров, душили и даже кусали их! Эдакие пассажиры-оборотни. На работе и дома вроде приличные люди, а при виде красной повязки с надписью «Контроль» вдруг зверели и впадали в дикое бешенство!

«Результаты этого новшества превзошли все ожидания, – писала „Ленинская смена“ в начале октября. – По сравнению с августом доходы от перевозок за сентябрь возросли почти на 50 процентов. Случилось это прежде всего потому, что удалось ликвидировать длинную цепочку воровства денег, начиная от пассажиров, отрывающих билеты, не бросая денег, и кончая „несунами“ в автопарках. Ведь только по старым ценам 1991 года подобные убытки составили около 10 миллионов рублей. Что касается безбилетников, то конфликты между

ними и контролерами, похоже, перерастают в настоящую войну. Последние на днях рассказали жуткие вещи о сломанных ребрах и прокушенных руках, которыми приходится платить за контакт с безбилетниками. О том, что с тех „зайцев“, которых все же удается доставить в милицию, взимается 3 тысячи рублей за отказ платить штраф и 742 рубля за простой автобуса – эти деньги якобы отрабатываются „неплательщиками“ на ночном строительстве дорог в Верхних Печерах. Официальные лица этого не подтверждают, однако то, что за последнее время только на водителей совершено 9 нападений с целью отобрать выручку или заставить их ехать туда, куда хочет „клиент“, – факт».

«Купив „простую“ двухрублевую карточку, не пытайтесь проехать по ней в экспрессе, – предупреждали СМИ. – Львиная доля конфликтов возникает именно из-за этого. „Правила проезда“, висящие в каждом автобусе, во многом устарели... Если из-за строптивного поведения „зайца“ приходится снимать с линии автобус и везти на нем провинившегося в милицию, автопарк может предъявить пассажиру иск за простой автобуса (себестоимость часа движения – 740 рублей)».

Правда, по-настоящему страшные времена для безбилетников длились совсем недолго. Уже осенью, после вступления в силу нового Закона о милиции, ее сотрудники утратили право взимать штраф за безбилетный проезд. Теперь это могли делать только контролеры. Всякого рода дополнительные поборы также были запрещены, а штрафовать за простой транспорта мог только суд. Так что «зайцам» отныне грозил лишь штраф в 50 рублей от «официальных» контролеров и разные неприятности от «неофициальных». Впрочем, немцовские «автобусно-полевые суды» так сильно напугали народ, что в течение нескольких следующих лет ездить на автобусах бесплатно стало как-то немодно. Позднее пришлось вновь ввести на транспорте кондукторов, которых благополучно изжили в 70-х годах, перейдя на кассы самообслуживания и талоны. Эти бабульки контролировали наличие карточек и обилечивали тех, у кого таковых не было.

Конечно же эти нововведения оценивались по-разному и были во многом спорными. Финансовый вопрос осложнялся тем, что трамваи и троллейбусы находились в подчинении у города, а автобусы – у области. Возникали вопросы, как делить полученные деньги и т. д. Предприятия, привыкшие работать за выручку и в соответствии с ней регулировать выпуск транспорта на линии, фактически лишились прямого стимула работать. Напротив, при безналичной и обезличенной (пассажиры платили как бы в общий котел, а не конкретному перевозчику) системе оплаты стало выгодно попридержать машины в парке, сэкономив на бензине и запчастях. Красть действительно стали меньше, зато народу пришлось порой часами стоять на остановках в ожидании транспорта.

Кроме того, Немцов одним из первых в стране ввел бесплатный проезд на общественном транспорте для инвалидов I и II групп. Новая льгота, призванная поддержать эту категорию граждан, распространялась на все виды транспорта, кроме маршрутных такси. Причем для проезда инвалиду требовалось только показать соответствующий вкладыш в пенсионном удостоверении, дающий право на эти льготы. В дальнейшем список льготников стал быстро пополняться. Немцову очень понравилось принимать подобные популистские решения, благо они не требовали немедленных расходов из бюджета. То же самое происходило в те годы и в правительстве. Уже к середине 1994 года треть пассажиров будет ездить на муниципальном транспорте совершенно бесплатно. При этом возмещать предприятиям убытки и выпадающие доходы почему-то никто не собирался или как минимум не торопился. В последующие годы данное несоответствие росло как снежный ком, во многих городах привело к полной ликвидации социального транспорта, а в самом Нижнем Новгороде к его глубокому кризису. Но тогда, в начале 90-х, до этого еще было далеко...

Несмотря на все улучшения и меры по закупке автобусов, ситуация с общественным транспортом не только не улучшалась, но, напротив, продолжала ухудшаться. Дело в том,

что, идя навстречу рыночной экономике, Верховный Совет России принял ряд антимонопольных законов. Которые, в частности, запретили прямое административное вмешательство в работу предприятий, в том числе государственных. Если раньше первый секретарь обкома или председатель облисполкома мог в любой момент вызвать на ковер директора «Пассажиравтотранса» и устроить ему разнос, то теперь все вроде как решал рынок. Все изменилось. Все полномочия: контроль за выходом автобусов на линию, наказания за самовольки проштрафившихся водителей – были отданы в автопарки. А последние оказались вовсе не заинтересованы в большом выпуске машин на линии, так как деньги они получали не за количество рейсов, а соответственно расходам. Совершенно без контроля остался и процесс списания старых автобусов. В былые годы предприятия берегли каждый старенький ЛиАЗ и «икарус» и выпускали их, пусть даже на короткие маршруты, пока они еще могли ездить, а теперь держать в парках «всякий хлам» оказалось невыгодно. Ибо это увеличивало расходы на ремонт и содержание, а также увеличивало штат ремонтников и фонд их зарплаты. Поэтому, в то время как Немцов, используя свои связи, с трудом выискивал, где бы еще купить 20–30 автобусов, парки стремительно избавлялись от еще не выработавших свой ресурс машин. «Из-за действий Верховного Совета мы теперь практически лишены возможности влиять на ситуацию, – жаловался Немцову гендиректор ПО „Нижегородпассажиравтотранс“ Евгений Дедиков. – Мне регулярно приходится отчитываться перед депутатами, не наказываю ли я, не дай бог, водителей». «Получается, что мы с огромным трудом достаем им автобусы, а они их списывают?!» – возмущался в ответ Борис Ефимович. И это действительно было так.

В начале зимы 1992 года пассажирский транспорт продолжало лихорадить. Несмотря на рост доходов, из-за высокой инфляции постоянно не хватало денег на топливо и зарплату. Доходило до того, что шоферы приезжали на нескольких автобусах прямо к кремлю и посылали делегатов в областную администрацию. «В четверг утром водители третьего автобусного парка предприняли очередное „хождение во власть“, съехавшись на площадь Минина и направив делегацию в областную администрацию, – сообщали СМИ. – Причина стара как мир, уже более 10 дней водителям не выдают зарплату. Вообще ситуация с деньгами, выделяемыми автобусникам, постоянно балансирует от тяжелой до критической. Ежедневно автобусы, находящиеся в ведении ПО „Нижегородпассажиравтотранс“, сжигают топлива на сумму более 7 миллионов рублей (деньги по области с учетом НДС). Малейшая задержка с выделением дотаций из областного бюджета может обернуться почти полным параличом автобусного транспорта. Последствия подобной катастрофы даже сложно предсказать». Но в тот раз все же обошлось. К протестующим лично вышел вице-губернатор Иван Склиаров, который пообещал немедленно выделить деньги и на зарплату, и на бензин.

Возвращаясь к протестным движениям: не успел Немцов разобраться с учителями и водителями автобусов, как забастовали уже аграрии. Прямо во время сессии областного Совета к зданию приехала толпа сельхозработников и начала пикетирование. «Кто разрубит узел проблем села? Долой обман! Крестьянинов, позаботься о крестьянах!» – значилось на их лозунгах. Аграрии требовали повысить закупочную цену на молоко и мясо до 10 и 100 рублей, снизить налоговые ставки, переложить на плечи налогоплательщиков строительство дорог и газовых сетей и т. д. Дело в том, что еще со сталинских времен колхозы должны были за свой счет строить дороги и содержать социальную инфраструктуру на селе. И эти нормы, несмотря на многочисленные послабления Хрущева, Брежнева и Горбачева, по инерции даже пережили СССР! В разгар митинга к протестующим вышел Борис Немцов. Лично и в одиночку! Он пообещал колхозникам повысить зарплату и удовлетворить некоторые другие требования.

Впрочем, митинговать тогда было модно, и в Немцовой губернии чуть ли не каждую неделю проходили манифестации и акции протеста, собиравшие толпы народу. Отчасти все

это напоминало 1917 год после свержения царя. Тогда, в эпоху Временного правительства, почти никто не работал, все отовсюду дезертировали и всё побросали, зато на митинги и демонстрации с самыми разными лозунгами неизменно собирались десятки тысяч человек. Аналогии действительно напрашивались. Крах великой империи, наскоро собранное правительство, проводящее непонятные реформы, и стремительно ухудшающееся экономическое положение. Многим не без оснований казалось, что все это лишь временный маскарад, а вскоре к власти придет некая, неизвестная пока, новая политическая сила типа большевиков, которая возьмет все в свои руки и наведет порядок. Предсказывали и скорое повторение Гражданской войны. В то, что ельцинский (а в Нижегородской области – немцовский) режим (ну или «демократия», тут уж как кому нравится) установился всерьез и надолго, в 1992 году верили только оптимисты.

Так, 24 октября в Нижнем Новгороде прошел очередной митинг протеста против «антинародной политики правительства Гайдара». Это была всероссийская акция, организованная профсоюзами. На площади Минина собралось около 10 тысяч человек. По очереди взбираясь на привезенный с собой грузовик, протестующие рассказывали о тяжелой жизни после «шоковой терапии» и требовали от президента Ельцина либо отправить правительство в отставку, либо пойти и лечь на рельсы. В то время, да и в последующие годы было очень модно вспоминать неудачное обещание Бориса Николаевича совершить этот поступок в случае роста цен. Кроме того, часть митингующих требовала вернуть советскую власть и восстановить СССР. А также смеялись над ваучерами. А кто-то даже прилюдно сжег приватизационный чек под одобрительные возгласы толпы. Раздавались и призывы к революции и свержению правительства.

Выступить не дали только лидеру альтернативного профсоюза «Свобода» анархисту Борису Самсонову. Тот неудачно обратился к собравшимся «Господа», вследствие чего был закидан гнилыми яблоками и изгнан с трибуны.

Глава 5

Столица реформ или полигон для авантюр?

Явление Явлинского и Сорос на «членовозе»

Уже в начале своего правления Немцов поставил задачу превратить Нижний Новгород в «столицу реформ». Первым мероприятием в этом направлении стало приглашение в город эксперта экономической политики правительства Григория Явлинского. Ранее он получил известность благодаря так называемой программе «500 дней», которая предполагала построение рыночной экономики за полтора года. Явлинский прибыл в Нижний со своей командой на три месяца с простой задачей – способствовать экономическому развитию региона и выработать некую модель развития для остальных. При этом работа финансировалась из бюджета Нижегородской области. Явлинский и его сотрудники, обещавшие создать некую «программу для всей России», разместились в комфортабельном доме для гостей бывшего обкома КПСС. Кстати, группа сама себе дала амбициозное название «ЭПИцентр».

«Для Г. Явлинского Нижний Новгород не просто заказчик, – писала газета „Нью-Йорк таймс“ 9 августа 1992 года. – Это возможность доказать, что Явлинский – именно тот человек, который должен возглавить российские реформы, а не Гайдар. Явлинский был тем самым „радикальным реформатором“, который разработал для М. Горбачева печальной судьбы программу „500 дней“. Он же расширил экономический кругозор Б. Ельцина, он же придумал способы привлечения МВФ. Но после августовского путча Явлинский остался с Горбачевым, а Ельцин пригласил Гайдара... Правительство Гайдара, по словам Явлинского, делало те же ошибки, что и последнее советское руководство. „Они действовали так, как будто бы у нас есть экономика, и все, что мы должны делать, – это наращивать производство и корректировать финансы, – говорил Явлинский. – Но нельзя освобождать цены, не имея рынка. Все вопросы, связанные с приватизацией, землей, монополией, до сих пор не решены. Сейчас проблема в том, чтобы привить людям интерес к приобретению собственности, когда нет уверенности ни в ценах, ни в кредитах“».

Стоит отметить, что и Немцов, и американские журналисты сильно переоценивали возможности Григория Явлинского. Тот начиная с середины 80-х годов утверждал, что только один он знает, как правильно проводить реформы. Дайте только мне время и возможности! Однако ни одна из многочисленных разработок и программ так и не была оценена, понята и внедрена современниками. «Семьдесят лет этот древний город, переименованный большевиками в Горький, был в Советском Союзе ведущим в производстве вооружения, – писала газета „Нью-Йорк таймс“ 9 августа 1992 года. – Сейчас новое смелое поколение городских лидеров надеется, что, вновь став Нижним Новгородом, город останется ведущим – на этот раз на пути реформ. В своих кабинетах в средневековой крепости стремительный, молодой губернатор, мэр города, ведущий постоянную борьбу с нарушениями чиновников, и известный экономист, вступивший с ним в союз, имея за плечами поддержку талантливых западных специалистов, разрабатывают далекоидущую независимую экономическую программу. Программа, по их мнению, могла бы в итоге стать моделью для Москвы, где реформы застопорились. Это серьезный вызов. Последние семь десятков лет Горький, этот город и окружающая область были закрытым бастионом высокотехнологичной военной промышленности. Но еще раньше целых семь веков Нижний был процветающим центром русской торговли, застроенным роскошными особняками, родиной знаменитой ярмарки. Это

наследие и хочет возродить в городе и области губернатор Б. Е. Немцов, 32-летний физик, чей путь в политику начался с борьбы против сооружения атомной станции».

Ну а поскольку этот физик был молод и неопытен, американцы прислали ему в помощь целую группу менеджеров для помощи в организации конверсии военных предприятий. Университетский научный центр по проблемам крупных городов, а это был целый консорциум в составе 28 университетов и научно-исследовательских институтов с центром в Филадельфии, занялся составлением базы данных по научно-техническим исследованиям в Нижнем Новгороде для заключения возможных контрактов и патентов. В город даже лично приезжал посол США в России Роберт Страусс.

Различные американские чиновники, экономисты и просто богатеи в это время вообще зачастили на берега Волги. В октябре 1992 года в Нижний Новгород прибыл знаменитый Джордж Сорос, один из богатейших бизнесменов в мире и основатель одноименного фонда. Американец прилетел в город с ознакомительным визитом, посмотреть на красоты Волги, памятники архитектуры, а заодно школы и другие образовательные учреждения. В частности, побывал Сорос в экспериментальной театре-студии «Вера» в микрорайоне Мещерское озеро. После чего обещал вложить деньги в некие «перспективные нижегородские гуманитарные программы». Данный эпизод примечателен тем, что Немцов, являвшийся известным поборником борьбы с привилегиями чиновников, в том числе персональными автомобилями, приехал в аэропорт встречать Сороса на черном лимузине «чайка» ГАЗ-14! На этой же машине долларового миллиардера возили по Нижнему Новгороду.

«Четырнадцатая» «чайка» тоже волей судьбы стала одним из отражений той эпохи. Новый лимузин, который должен был прийти на смену знаменитой первой «чайке» – ГАЗ-13, Горьковский завод обязался изготовить еще в 1967 году! Она значилась в списке обязательств, которые трудящиеся города Горького взяли к 50-летию юбилею советской власти. Поначалу конструкторы хотели пройти простым путем: сделать новый кузов на шасси уже выпускавшейся «чайки». Однако идея оказалась неудачной, прототип получился громоздким и некрасивым. И даже эту машину сделать в срок не успели. Более того, новый лимузин не смогли сделать даже к следующей дате – 100-летию со дня рождения Ленина. Зато в результате кропотливого труда появился революционный для своего времени автомобиль, не уступавший по качеству «членовозам» марки ЗИЛ. Ходовая часть машины была сделана настолько ювелирно, что могла обеспечить плавный ход на любой дороге. К примеру, поставленный на подлокотник полный стакан с водой не расплескивался даже на большой скорости и поворотах.

Первые предсерийные образцы новой «чайки» были готовы в 1971 году. Однако до массового производства дело дошло только через шесть лет! Тому было несколько объективных и субъективных причин. Во-первых, в экономике все больше сказывались застойные явления, автомобильная отрасль работала с перебоями. Большинство капитальных вложений поехал только что построенный советский «фиат» – ВАЗ. Во-вторых, руководство завода имени Лихачева, опасаясь конкуренции, попыталось пропихнуть вместо ГАЗ-14 свой укороченный лимузин ЗИЛ-117. Тогда горьковчане пошли на хитрый шаг. А именно, зная о страсти вождя к автомобилям, взяли и подарили окрашенную в гламурный вишневый цвет «чайку» Брежневу на день рождения 19 декабря 1976 года. Горьковский лимузин генсеку понравился, и на следующий год серийному производству был дан зеленый свет. С весны 1977 по 1988 год ГАЗ собрал 1114 машин. Однако излишняя шикарность автомобиля в итоге сыграла с ним злую шутку. Вскоре после начала перестройки новый генсек Михаил Горбачев в целях искоренения пережитков «застоя» объявил борьбу с привилегиями. Среди всего прочего чиновников было решено (кстати, далеко не в первый и не в последний раз!) пересадить с роскошных лимузинов на более скромные автомобили. По личному указанию Горбачева производство ГАЗ-14 было прекращено. Этим немедленно воспользовались кон-

куренты. Руководство ЗИЛа имело мощное лобби в Министерстве автомобильной промышленности, которое позаботилось, чтобы в Горьком не только прекратили выпуск «чаек», но и уничтожили всю технологическую оснастку, рабочую документацию, сборочные линии, кузовные штампы и т. д. По некоторым данным, были пущены под пресс даже штампы для выпуска соответствующей сувенирной машинки!

Что касается Немцова, то в данном случае он, по всей вероятности, воспользовался бывшей персональной «чайкой» последнего секретаря Горьковского обкома КПСС Геннадия Ходырева. Во всяком случае, в кремлевском гараже имелась только одна такая машина. Причем сам Ходырев этим громоздким лимузином почти никогда не пользовался, предпочитая обычную «Волгу». В общем, стояла шикарная машина в гараже и пылилась долгие годы. Ну а перед Соросом Борис Ефимович, видимо, решил попросту выпендриться, подкатив к самолету на огромном черном лимузине – символе застойных времен. Прямо как в фильме 1990 года «Не будите спящую собаку», в котором аферисты разводят подпольного коммерсанта. Имитируют уголовное дело, а потом обещают отмазать за огромную взятку. В одном из эпизодов вымогатель нанимает на время чью-то персональную «чайку», чтобы на глазах у «клиента» на ней к зданию министерства подъехал фальшивый «министр». Фраза из этого эпизода «С шиком хочет...» как раз подходила к встрече Сороса. Обкомовская «чайка» и впоследствии нередко использовалась Немцовым для встреч высоких гостей.

Но в основном Борис Ефимович, позиционировавший себя противником чиновничьих привилегий, ездил на «Волгах». Позднее своей борьбой с «членовозами», превратившимися в «возы народных избранников», Немцов прославился на всю страну. В советские времена в ходу был анекдот примерно такого содержания. «Иностранец в СССР видит толпу людей, идущих на переполненную остановку трамвая, и спрашивает: „Это кто такие?“ Прохожий ему отвечает:

– Это рабочий класс – народ. Он у нас в стране хозяин жизни!

– А это кто такие едут? – спрашивает иностранец, указывая на группу черных „Волг“, мчащихся по улице.

– А это слуги народа...»

И это в общем-то было правдой. Если на Западе уже в 30-х годах XX века автомобили перестали быть роскошью, став вполне доступным средством передвижения, то в Советском Союзе времен относительно благополучного застоя абсолютное большинство граждан продолжало перемещаться на общественном транспорте. Даже те, кому посчастливилось приобрести «жигули», «москвич» или «запорожец», как правило, ездили на них только на дачу либо по особым случаям. Зато чиновники, то есть те самые «слуги народа», заняв определенный пост, получали пресловутые привилегии, одной из которых был персональный автомобиль с водителем. В простонародье – «членовоз». Иметь служебное авто, надо заметить, было гораздо выгоднее, чем личное. Для него не нужно было покупать гараж, ремонтировать, беспокоиться о возможном угоне. Бензин тоже заливался за счет государства. В зависимости от негласной табели о рангах каждому номенклатурщику полагался определенный тип автомобиля от «Волги» до лимузина высшего класса ЗИЛ. На разработку авто представительского класса денег не жалели, на них бросали лучшие конструкторские кадры и наиболее квалифицированных рабочих.

В начале 90-х новые чиновники, как и президент Ельцин, в основном катались на советском наследии – машинах, доставшихся от ЦК КПСС, обкомов и райкомов. Однако потом в ход пошли иномарки, сначала бэушные, а позднее и новые. В результате «слуги народа» стали обходиться народу еще дороже, чем при советской власти! Но при Немцове-губернаторе ничего подобного не было и в помине. Ни иномарок, ни милицейских машин с мигалками. Узнать авто главы региона на улице было практически невозможно! Понятно, что в таких условиях и подопечные могли себе позволить максимум «ноль вторую»

«Волгу». «Моя личная машина – „жигули“, шестая модель, – писал Борис Ефимович в 1996 году. – Ни разу не выезжал на ней. Зачем, если у меня есть персональная машина? Дело в том, что у меня есть охрана и я не могу ездить на „жигулях“. Может быть, я продам эту машину и куплю „Волгу“». По свидетельству Андрея Климентьева, Немцов и сам любил поручить своей персональной «Волгой», особенно во время поездок по районам. При этом не обходилось без аварий. «Однажды был случай, мы ехали в Гагино и по дороге он наехал на пешехода, – вспоминает бизнесмен. – Немцов сразу же перепрыгнул на пассажирское сиденье, а я пошел договариваться с потерпевшим, чтобы он никуда не заявлял».

Забегаая вперед, стоит отметить, что традиция ездить на «Волгах» сохранилась и после ухода Немцова с поста губернатора. Так, его преемник Иван Склярлов разъезжал на ГАЗ-3105. Разработка этой уникальной машины началась в середине 80-х годов. Роскошный полноприводный седан с восьмицилиндровым двигателем, удлиненной базой и массой дополнительного оборудования конечно же создавался как новый автомобиль для чиновников. Внешний вид «Волги» был просто-таки футуристическим, чего стоило только двойное остекление дверей с утопленными в стекла ручками! Машина оснащалась гидроусилителем руля, регулируемой рулевой колонкой, полным электропакетом, включая электропривод и подогрев задних и передних сидений, а также климатической установкой. Однако самая новаторская из всех «Волг» появилась не вовремя. В 1988 году на стадии подготовки к серийному производству, в связи с нехваткой средств, правительство приказало ГАЗу сосредоточиться «пока» только на ГАЗ-3105, оставив остальные на потом. Невзирая на массу проблем, заводу удалось подготовиться к выпуску к началу 1992 года. Однако ситуация к этому времени кардинально изменилась. СССР распался, и страна вступила в эпоху рыночной экономики. К нам тут же хлынула волна дешевых подержанных иномарок. В этих условиях разрабатываемая «ноль пятая» оказалась попросту невостребованной. Рыночная стоимость автомобиля составила фантастическую сумму в 60 тысяч долларов! В итоге до 1996 года всего было произведено, по разным данным, от 55 до 200 ГАЗ-3105. В России их мало кто видел, а вот на «родине» – в Нижнем они встречались довольно часто. Помню, как мы с восхищением и недоумением смотрели на эти чудо-автомобили, выделявшиеся не только на фоне унылого отечественного автопрома, но даже тогдашних иномарок. Ну а послужить чиновникам, для которых она создавалась, машина все-таки успела, но в весьма ограниченных количествах. Самым известным из них и был Иван Склярлов, который ездил на такой «Волге» вишневого цвета, сначала будучи мэром, а потом и губернатором³.

Возвращаясь к работе «ЭПИцентра» Григория Явлинского: по его инициативе в Нижнем Новгороде был создан так называемый Координационный совет, в который была сведена вся исполнительная и законодательная власть города и области. Причем возглавил этот орган сам Явлинский. Правда, единственным серьезным мероприятием, которое этот непонятный «совет» провел, стал месячник свободной торговли в сентябре. Явлинский утверждал, что благодаря беспрецедентным мерам (были фактически временно заморожены все налоговые и прочие сборы) ассортимент товаров значительно расширится (навезут торгаши из соседних регионов), а цены из-за резко возросшей конкуренции резко понизятся. В итоге месячник прошел, торгаши почему-то так и не приехали, а бюджет региона недополучил огромную сумму. В конце сентября «ЭПИцентр» наконец выдал и свой гениальный план реформ под громким названием «Экономика и политика в России. Нижегородский пролог». Многие наивно верили, что вот сейчас-то они увидят тот самый план светлого будущего,

³ Преемник Склярлова – Геннадий Ходырев, бывший первый секретарь Горьковского обкома КПСС, не стал нарушать свою и немцовскую традицию. Тоже ездил на «Волге»! В итоге первым нижегородским губернатором, имеющим привычные атрибуты (роскошный «мерседес» с мигалкой и эскорт), стал в 2005 году Валерий Шанцев.

который Григорию Алексеевичу не дали осуществить при Горбачеве и мешают воплотить при Гайдаре. И начнется наконец нижегородское, а потом и российское экономическое чудо!

Однако на деле общественности представили лишь собрание пространных выводов, призывов и рассуждений. И всё общего, можно сказать, философского характера. Основным лейтмотивом объемного документа стала идея о том, что Россия, подведя черту под прежним этапом своего существования, должна вступить в новое состояние, поскольку «центр лишился экономического и политического реформаторского потенциала». А раз так, то необходимы новые «точки роста», которые, будучи разбросанными по всей стране, станут «генерировать логику дальнейшего развития». «Целесообразно начать с одной или нескольких точек кристаллизации, – говорилось в докладе. – Опора на централизованные институты в нынешних условиях есть миф». Например, с Нижегородской области. Кому, как не Немцову, создать первую такую «точку»? «Мы присутствуем при заключительном акте реформаторской драмы», – драматически восклицал «пролог». Кроме того, Явлинский и К⁰ предложили немедленно начать распродажу в частные руки гостиниц, жилых домов, судов, автопредприятий и даже коммунального хозяйства. А также ликвидировать все монополии и крупные предприятия в регионе.

Документ сразу же вызвал настоящий шквал критики. «То, что изложено в „Нижегородском прологе“, – это уже другая Россия, – писал Андрей Макарычев, исполнительный директор Фонда стратегической инициативы. – И Россия ли? Или это просто очередной эксперимент на деньги нижегородских налогоплательщиков?» «Концепция Г. Явлинского содержит в себе и некоторые логические противоречия, – писала газета „Ленинская смена“. – Так, ратуя за всемерное и по возможности максимальное „распыление власти“, его соавторы в то же время весьма благожелательно восприняли идею создания координационного совета, сосредоточившего в своих руках все управление реформами в Нижнем. В другом месте идея регионализации России удивительным образом сочетается с требованием „повышения управляемости общественно-политических процессов“ в стране». Сам Немцов Явлинскому, который после составления ни к чему не обязывающего, но щедро оплаченного «пролога» благополучно вернулся в лишившийся всего «центр», поверил. Уж больно заманчивая это была идея – превратить отдельно взятую область в точку роста для всей России. «Я не хочу идеализировать нижегородскую деятельность Явлинского или преувеличивать ее значение, – писал потом Борис Ефимович. – Это была повседневная, рутинная работа, и времени было немного, и, может быть, не так уж много удалось сделать. После отъезда команды Явлинского мы продолжали работать и придумали еще массу интересных и новых вещей. Но тем не менее то, что было сделано здесь Явлинским, потом получило распространение во всей России, и сегодня это – общеизвестные вещи. Например, региональные займы, которые теперь есть везде. У нас же появились новые варианты – жилищные, телефонные, экологические, энергетические займы как естественное продолжение тех самых „немцовок“ или „явлинок“ 1992 года».

«Немцовки» – лучше, чем шиш с маслом!

Именно Явлинский подсказал Немцову еще одну авантюрную идею – выпустить в оборот собственную валюту... Летом и осенью 1992 года страна столкнулась с новым невиданным доселе явлением – дефицитом денег. В смысле наличных. То есть людям начисляли пенсии и зарплаты, но сами «бумажки» в Госбанке попросту закончились. Безналичный расчет только еще входил в обиход, поэтому получку выдавали исключительно наличными и в магазинах расплачивались тоже наличностью. «Такого даже в худшие времена советской власти не было! Мыла не было, масла не было, бывало, и хлеб был в дефиците, но чтобы деньги...» – поговаривали на улицах и в автобусах. Дело в том, что после введения свободных цен отечественная валюта стала стремительно обесцениваться. Цены росли, правительство и областные власти на местах щедро удваивали оклады бюджетникам и пенсии. Но производство самих наличных за раскручивающейся инфляцией попросту не успевало. Доходило даже до того, что деньги возили в регионы специальными самолетами. С борта которых ящики с купюрами под вооруженным конвоем развозили в местные отделения Госбанка. Ну а губернаторы вынуждены были чуть ли не с поклоном ездить в Санкт-Петербург и Пермь, где находились те самые «печатные станки» – фабрики Гознака, и просить выделить вне очереди пару мешков наличности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.